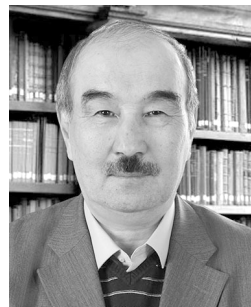

Аслан

Жаксылыков

ДОМ СУРИКАТА

Роман

Очнувшись среди ночи, ты продолжал сумрачно размышлять о произошедшем. Итак, возможно, ты один из немногих уцелевших на этом погибшем острове. Нагрянуло то, к чему ты так тщательно и много лет готовился – осада твоей крепости. Между тобой и джугарными зверями бетонно-кирпичная стена, несколько люков. Даже если джумуры и джубезьяны ворвутся в подвал, дальше им не пройти – лесенки подняты, люки заперты изнутри. Этот бывший госплановский дом с подвалом, построенный как бомбоубежище, системой вентиляции, со стенами метровой толщины – настоящая крепость. Ты переоборудовал этот дом в цитадель с системой шлюзов, с потайными подземными ходами, с фильтрами, с независимым энергоснабжением, скважиной, насосами, механизмами, защитными устройствами. В подвале десятки бочек с дизельным горючим. На втором этаже в оружейной комнате на стеллажах пристроен всевозможный инструмент, а также автоматы, винтовки, карабины, пистолеты, ножи, мечи, пулеметы, арбалеты. В ящиках – боеприпасы. В коробках: приборы ночного видения, бинокли, портативные радиостанции, противогазы разных моделей, спутниковые телефоны. Хранилище это – предмет твоей особой гордости. В этой крепости ты смог бы выдержать многомесячную осаду джугарных тварей. Им сюда не пройти. Другое дело – люди: мутанты, рейнджеры, бродяги, враги с башен или других островов. Отряду в десять-пятнадцать человек не составит труда вскрыть входные двери хотя бы с помощью взрывчатки или тарана. И тогда ты должен будешь дать свой последний бой. Так сказать, дорого продать жизнь человека-суриката. Так что тебе надо опасаться именно грабителей: мародеров, чужаков-солдат. Надо полагать, люди-крысы долго себя не заставят ждать – такова исконная природа мародеров и воров, их неудержимо притягивает к себе дым недавней катастрофы. Гиены и шакалы не могут жить без падали.

Островитяне и не догадывались, какая оснащенная крепость затаилась у них под боком за стенами обычной пятиэтажки. Если бы кто-нибудь из них заглянул ненароком в твои оранжереи, где продолжали зеленеть кактусы, цвести орхидеи и бегонии, арест последовал бы незамедлительно. Культивирование домашних

растений островитянам было строго-настрого запрещено. Забота о растениях считалась преступлением номер один. Оранжерею ты сохранял как память о ней, не теряя надежды на ее возвращение. Ни за что на свете не дал бы им уничтожить кактусы. А что они сказали бы, увидев Собеседника? Они тотчас приняли бы его за полноценное джугарное существо или, по крайней мере, – мутанта. С отродьями островитяне боролись не на жизнь, а на смерть. В любом случае Собеседнику они вряд ли обрадовались бы. Это ясно как божий день.

Накинув свой любимый японский халат, ты вышел в коридор. Здесь было тихо, приглушенно мерцал карминовый глазок датчика на двери. «Надо будет проверить состояние солнечных батареек», – подумал ты. Однако, оставив эту затею на следующий день, если, конечно, не перепутаешь его с предыдущим, ты зашел в ванную комнату. Ванна по команде компьютера предусмотрительно была наполнена умеренно горячей водой. Полчаса забыть в ванной, пара чашек кофе привели тебя в чувство. Теперь надо было сделать кое-что нужное.

В каждой комнате рядом с окном стоял стальной лист с точно ограненными краями. Эти листы были приготовлены на случай падения острова и штурма твоего дома джугарными тварями. Окнам, пусть это тройной ламинированный стеклопакет, все равно не выдержать атаки джумуров и джубезьян, наловчившихся орудовать камнями и палками. Поэтому для такого случая ты оборудовал проемы внутренними ставнями. К стенам над каждым окном и под ними саморезами были прочно прикреплены длинные дюралевые панели. Надо загнать листы в пазы, и эту работу придется проделать на всех этажах, даже на третьем, потому что у джугары появились ушлые крыланы – зубастые джупиры.

На работу ушло несколько трудных часов. Пришлось повозиться до седьмого пота. Каждое стальное полотнище заняло свое место, в итоге дом оказался наглухо изолированным от улицы. Тем не менее, любой броневой лист имел небольшое отверстие с задвижкой для осмотра внешнего мира. Теперь тебе нужно залечь, подобно матерому сурку, покоиться в своем логове без лишнего шума, чтобы эти джугарные монстры, довершающие разгром острова, не почуяли тебя. Хотя поможет ли это? Поле, конечно, знает, что ты уцелел, и оно рано или поздно пришлет своих вояк, чтобы выкурить из норы последнего человека-суриката. Но к этому времени ты будешь полностью готов к большому странствию в подземном мире, где сурикат ориентируется как дома.

И уже чувствуя себя обессиленным, выжатым как лимон, ты доплелся до кресла в кабинете, рухнул в пучинные объятия кожи, тисненной на заморской фабрике и продавленной тяжеловесным монологом Редактора. И начал медленно погружаться в недра сладкой бездумной дремы под монотонный шепот Собеседника, встретившего тебя приязненным оскалом подобранных челюстей. Но до этого ты, смущенно глядя мимо Собеседника, запинаясь, выразил ему искреннюю благодарность за то, что тот предусмотрительно приоткрыл дверь подвала, чем, конечно, оказал бесценную услугу бегущему солдату, уже не чаявшему спасти свою жизнь.

Тот нисколько не возражал, сидел в позе лотоса со сложенными руками, мирный, тихий, окутанный невидимой паутиной своего немислимого и мускулистого безмолвия, более надежного, чем броня и стены, защитные сооружения матерого страха. Он кивнул на стол, и ты увидел перед собой кипу желтых бумаг, исписанных корявым, спотыкающимся почерком. Откуда взялись эти листы? Вроде

бы накануне их не было. Все же наугад взял несколько трухлявых, державшихся на честном слове тростниковых страниц, вчитался, погружаясь в дебри мальшовского бреда.

И ты сказал, глядя сумеречным взглядом последнего пустынного суриката, покинутого стаей, одинокого как перст, зашвырнутого на дно вселенского времени, кружащего словно омут, перетирающего в пыль и прах любые судьбы, не только явленные, но и еще не родившиеся на свет божий. Ты сказал желтыми прощальными словами, летящими над пустошами, бескрайними, безмерными, словно печаль всех солончаков мира, обглоданных ветром-самумом, воющим пепельной гиеной над морщинами слепящего такыра окаянного:

«Коке, они все полегли на поле боя, солдаты твоей неисчислимой героической армии. Они согласились и легли, и покрылись тотчас тиной, пеной сладкого божественного забвения, без малейшего намека на существование. Они погрузились в океан забвения, и теперь им не снятся сны, тревожные, пронизанные болями согбенного «я», омраченного тысячами страхов и беспокойств. Они истлели, иструхлявели, рассыпались крошевом дней, стебельками и листьями осеннего джугарного поля, унесенного горловым, гортанным ветром Последнего срока, поющим и плачущим над судьбами кукурузных мальчиков и девочек, сотворенных только для того, чтобы рано или поздно скосили их золотыми очками пухляка окаянного, очкарика колхозного золотого века. Иль ты не видишь? Они потонули в цветной хренотени слов несметных про светлое будущее, рай незабвенный куропаток и тетеревов, лошаков и мулов, ослов и дромадеров, сурово охраняемый волками и волкопсами, гиенами и шакалами, охраняемый бдительными прокурорами: львами и тиграми, барсами и леопардами. Поэтому покой им и не снился! Их скосили, срубили, свели под корень одними только словами про кредиты, проценты, ссуды, страхование, депозиты и невиданные дивиденды в тростниковых банках на краю кукурузного поля у подножия роскошной соевой виллы с бездонным бассейном, самым лучшим, населенным одними только акулами и пираньями, сколопендрами и муренами. И они поверили, они вострепнулись, полетели, смеясь кукушкиными слезами и марьиными кореньями, побежали, понеслись вверх тормашками над болотным тем полем, хмарным, закипающим джупирной пеной, джусойной пыльцой и спорами джубуйными, над бескрайней пастью вселенского кашалота, надежно упокоившего Иова незабвенного, последнего в депозитном ящике своего окаянного желудка. Можно ли осудить их за это? Приговорить жестоко мужчин и женщин: вчерашних обывателей, клерков и инженеров, секретарей и референтов, рабочих и крестьян, шахтеров и металлургов, ученых и учителей, сегодняшних солдат и офицеров – сыновей и дочерей адамовых, поверивших в беззаветные обещания отца народа, пачку указов, прогуливающуюся по зеленой ковровой дорожке, покуривающую и покряхтывающую зловещей свинцовой трубкой? Все они поверили и легли послушно, тотчас истлели и превратились в шорох, шелест, шепот тростникового, камышового поля, заговоренного уханием и угугуканием сов и филинов, влетающих и вылетающих из зрачков лукавых волков и волкопсов, заманивших слепцов и мальцов в туманные дебри те Тмутаракани окаянной. Разве ты не видишь?»

И еще ты сказал Собеседнику:

– Ты всегда был таким, Коке. Когда я впервые увидел тебя посреди кукурузного поля, одинокого, с глазами, черными, словно сама вечность, с лицом, изъязвленным несметными дождями века, с ладонями непостижимого и безнадежного смирения, я кое-что постиг. Я тотчас понял, что вновь обрел тебя, Старого и вечно одинокого, старика пустынной каморки, затерявшейся среди волчьих гор, кишаших ветхими муссонными звездами. И я громко воскликнул: «Смотри, до рога! Во всей вселенной не найти более выразительного символа одиночества и стоицизма! Наконец-то я нашел то, что искал всю жизнь».

Она удивленно взглянула на тебя и всплеснула ладонями. И немудрено – посреди колхозного поля и самых что ни на есть банальных холмов на выцветшем, трухлявом древе, источенном термитами, возвышался печальный столпник, изможденный, соломенно-желтый, древний и углубленный в себя, словно индийский йог. То был небезызвестный муж, потерянный странник. Каждый из нас увидел в фигуре огородного чучела свой великий символ, знак, остановивший поползновения сомнений, подтачивающих душу. Я узрел в нем черты Старого и вечно одинокого, учителя кукурузных детей-воителей, также бесподобного повествователя, заворожившего мой слух шепотом несметных цикад и кузнечиков.

И, конечно, согласитесь, этот пучинный анахорет, бродяга и аскет, вольный, словно ветер, в тот знаменательный момент выступил лучшей антитезой для человека-бегемота, прочно укорененного в болоте коммунального бытия. Вот почему, изучив записи Странника, не жалея ни времени, ни душевных сил, воссоздал я в своем сердце романтический образ подлинной свободы, мудрости и жертвенности, и он совпал с чертами Старого и вечно одинокого. Также в ту знаменательную минуту понял я пронизательностью Малыша-утенка все, что происходило в ее смятенной душе. Муж ее, проклятый и окаянный, презренный беглец и жалкий неудачник, от выходов которого она изнемогла до крайности, в какой-то неуловимый момент начал трансформироваться в героя-мученика, тайного агента 6-го спецотдела, неузнанного принца, чуть ли не в полубожество. А то, что потом открыл ей Редактор, в свете этих тенденций было простым итогом долгого процесса. Представьте, какая бездна вины всколыхнулась в ней после ухода Олигарха, какие муки испытывала она, подвергаясь непрерывным атакам совести. Неудивительно, что после таких озарений мы никак не могли оставить его одного посреди дикого вороньего поля.

Город пережил еще один приступ агонии. Погиб еще один остров – прибежище десятков тысяч людей, надеявшихся выжить вместе. Может быть, среди просторов могучего джугарного моря еще высятся стены нескольких островов, но они особой роли уже не играют в конечной расстановке сил. Ничего не смогут изменить в сценарии апокалипсиса и те вавилонские башни, что ушли зазубренными боевыми вершинами за облака. Не остановят движения великого вселенского маховика эти бронированные кибернетические махины, забитые до отказа роботами, оружием, ресурсами, работающие на оборону безотказно, как часы. Ни на йоту не поколеблют галактическую калачакру жалкие усилия военных спецов, стратегов, бредящих окончательной победой над федератами и нейтралистами, джугарными мастодонтами и мутантами, мозгляков, тщащихся изобрести абсолютное оружие несравненной мощи и точности действия. Ни на

мгновение, ни на единый градус не замедлят они круговорот Колеса, осыпаящего в бездну несметные миры, рядом с которыми Земля – лишь песчинка на берегу Ганги, плещущейся в глазах лишь одного из муссонных лемурув. Что на это ты скажешь? Ничего? И ты молчишь?

И ты, донельзя взволнованный, поднялся с кресла, зашагал по комнате, жестикулируя волосатыми руками, бросая пронзительные взгляды на Собеседника.

Ты повернулся к нему, и, четко модулируя фонемы, на произношение которых уже влиял рост мелких и острейших зубов земляного грызуна, сказал:

– Первые признаки грядущей катастрофы были достаточно ясны и масштабны, чтобы мыслящим людям стало понятно, какого рода события начались на матушке Земле. Стремясь создать сверхмощное бактериологическое оружие направленного расового воздействия, ученые в секретных военных лабораториях без колебаний вторглись в святая святых природы – мир вирусов, бактерий и микробов. Они экспериментировали с генетическим кодом вирусов наиболее страшных болезней, которые некогда миллионами выкашивали народы: чумы, холеры, тифа, оспы, сибирской язвы, гепатита. Так появились первые измененные микробы – мутанты и клоны с поражающими убийственными способностями. Когда уже тысячи людей заболели СПИДом, приобретенным иммунодефицитом, многие гибли от спор коровьего бешенства, другие корчились от так называемого куриного гриппа, кое-кто сообразил, из какого ящика Пандоры вырвались на свет божий эти бестии. В газетах и на сайтах мирового Интернета появились первые статьи на эту тему.

Но военным спецам-оборотням и этого было мало. Питаемые чумовыми идеями мирового господства, они принялись педалировать процесс клонирования растений, потом животных, затем уже людей. Целью, в конечном счете, стало конвейерное производство идеальных солдат-клонов. Поначалу клонировались десятки и сотни видов растений и животных, что неизбежно привело к спонтанным изменениям в природе. С человеческими генами экспериментировали в сверхсекретных лабораториях. Гонка за сверхприбылями, военный психоз и ажиотаж открытий ослепили множество людей. Так политические вожди и лидеры народов проморгали критический момент, не заметив, как была пройдена роковая грань. А когда началась цепная реакция необратимых трансформаций в природе, когда в города хлынули первые лавины крыс, зараженных спорами джусойи, было уже слишком поздно. Как говорится, что дошло до крыс, людям уже ни за что не остановить. Я это предвидел! Мы с ней часами говорили на эту тему, причем она демонстрировала особые познания в этой области. Потом только я понял по ее дневникам, что по специальности она была микробиологом. До нашей встречи она провела достаточно много времени в какой-то закрытой лаборатории. А когда она ушла, я был уже психологически и морально подготовлен к трансформации, – наверное, в результате долгих бесед и тщательных ее наблюдений. Теперь я понимаю, что она заложила в меня не только концепцию сурикатства, но и некую программу. Впервые возможности полноценного сурикатства я ощутил, когда принялся создавать сеть подземных ходов и запасных выходов. Идея великого примирения подземных животных рас: барсуков, сурков, росомах, кротов, крыс, бобров – как-то захватила мой разум. Я понимал, что мои обширные запасы субпродуктов, солонины, сухарей и сушеных фруктов рано или поздно будут исчерпаны. Проржавеют провода солнечных батарей, сломаются

моторы электронасосов, зарастут мхом силиконовые панели, истощатся литиевые аккумуляторы, умолкнет центральный коммунальный компьютер, а вместе с ним умрет и сердце моей крепости. Я знал, что это рано или поздно произойдет. Поэтому, холодея от предчувствия неизбежного, уже в катакомбах глубоко под землей, ощущая защиту кевларовой робы, учился я погружаться в долгую спячку. И у меня кое-что начало получаться. Поистине я вел себя стратегически, выполняя команду Программы на выживание. Признаюсь, я не смог до конца избавиться от страдания. Мне причиняла постоянную боль мысль о том, что она все-таки ушла от меня, такого опытного, доброхотного, хлебосольного суриката. Погружаясь во временную спячку, я ненадолго избавлялся от этой глухой и грызущей боли. И теперь, когда я полностью один, а мои товарищи – солдаты все до единого погибли, превратились в гумус для джусойных и джубуйных кустов, я признаюсь во всеуслышание, что у меня нет другого выхода, как завершение начатой трансформации. И ничто, особенно от прежнего человека, не сможет удержать меня от этого выбора. Что на это скажешь?

Но он молчал, не желая ввязываться в полемику. И ты испытал приступ черного отчаяния, удар тьмы, более глубокой и хмарной, чем сама смерть. Ты всплеснул руками, оперся о стену и начал часто дышать в ритме пранаямы. А в голове застучало: «Надо взять себя в руки. Со всем человеческим жестко справиться, одолеть без колебаний! Ежовыми рукавицами сжать малодушие субъекта. Надо железными руками выдавить из себя последние остатки гуманоидной психики. Осознай, что быть человеком теперь, в подобных обстоятельствах слишком дорого и нерационально для тебя».

Ты заскрежетал зубами, шерсть на загривке поднялась дыбом, в копчике заныл свежий шрам – там наметился рудимент хвоста. А Собеседник шептал свое: «В океане джугары сурикат выживет, человек точно не спасется». И ты согласно кивнул головой, но взгляд зацепился за стопку недочитанных листов на столе. Ты склонился над ними, и тростниковые строки, наляпанные лапками чибисов и трясогузок, суетливо побежали перед глазами.

МАЙЯ И КОТ СЕРЖ

По лицу Майи катились слезы – она не отрывала взгляда от малыша. Тот с сусликом в руках уходил в бушующую пшеницу, а навстречу ему спешили тысячи карапузов, уморительно переваливаясь на коротких ножках. Малыш так и не оглянулся на нас. Вскоре заросли поглотили Наш дом, в молчании неба и земли нам почудилось вдруг, что мы никогда не знали с этим странным существом, и вообще эта невероятная история никому и не привиделась на краю смутного поля-джугары.

Нет, все-таки она приснилась нам. Собеседник согласно кивнул головой, поощряя твою догадку, поэтому Майя улыбнулась и ласково позвала уходящее призрачное существо: «Кель-кель-кель!» Поле обернулось, вопрошая, зыркнуло оранжевыми глазницами, в нерешительности замерло, помахивая пышным хвостом. «Кель-кель-кель!» – вновь нежно, ласково-дрожащим голосом запела Майя, умоляюще протягивая руки к Сержу, пепельным сгустком растворяющемуся в наваждении поля. Обида комом стояла в горле, и от этой горечи Майя проснулась. Нет, вначале она потянулась всем телом, как это делают все ранние луговые дев-

чонки, зевнула и очнулась. Несколько минут она просто так лежала себе, покаясь в зыбкой неге, странном состоянии между сном и явью, в плену призраков. Истوما в юных суставах качнулась, ожила снопом сладко щекочущих искорок и поплыла вверх от коленок к бедрам, к паху, где стояла такая таинственная, обманная тишина, готовая вспыхнуть жаром. Там была бездна ощущений, некоторые из них донельзя смущали девушку, эти мысли надо было опередить, поэтому Майя, зеленоглазая, рыжеволосая русалка-девочка прошептала, обиженно округлив губы «Кель-кель-кель». Тем не менее, она была обычным городским подростком, из тех, кто сходит с ума по Майклу Джексону, носит драные джинсы, короткую до пупка блузку, коллекционирует диски, расклеивает по стенам комнаты постеры обожаемых кинозвезд, ходит на школьные дискотеки, всякие тусовки, зубрит инглиш, сплетничает про учителей и занимается воспитанием сибирского кота. По вечерам, прежде чем уплыть в сон, Майя обычно успевает пофилософствовать на любимую тему: «Ах, Майкл, Майкл, почему ты со всякими вздорными мальчишками, мексиканос, а не со мной, рыжей, спелой ведьмочкой, готовой на все ради одного только твоего взгляда или хотя бы автографа?»

Что такое или кто такой кот Серж? Иногда Майе казалось, что ее баловня на свете вовсе не существует, однако стоило ей такое предположить, как дымчато-серый Баюн тотчас объявлялся рядом, ласково помахивая хвостом и иронически заглядывая в глаза девочки, словно проверяя ее сомнения. Или он возникал прямо из пустоты и запрыгивал ей на грудь, чтобы потом упокоить ее магическим мурлыканьем, погрузить в недра вибрирующих звуков, ощутимо упругих, лежащихся кругом, словно кольца некой невидимой змеи, питона или анаконды, но очень нежной и властной, влекущей в глубины муссонного забытья. Маетный облачный кот состоял из дымов и туманов, полевой тишины, пения пеночек, солнечных, кисейных пляшущих пылинок, рассеянных взглядов, ливня штор, игры теней на паркете, осени на обоях, где все шел и шел листопад и никак не мог закончиться. Тем не менее, в нем всегда была затаена пружинистая сила, прыгучая, опасная, непредсказуемая, имеющая уши-локаторы, настроенные на маневры ночных существ, на шорох коготков, движение мышьих намерений, всякие охи и ахи на кушетках за стеной. В этом же лабиринте за частоколом чердачных щелей, прямых и неотвратимых, словно воля первых вождей, душа Баюна была навечно соблазнена маневрами воробьев и дроздов, голубей и ласточек, заманена в туннели воздушных веющих движений пуха, трепетных флуктуаций крыльев и перьев, от всей души данных птицам то ли богом, то ли эволюцией. И имел сей гуттаперчевый стратег, алчный как джугур, вкрадчивый и неуловимый, со зрачками-лезвиями, словно выточенными из немецкой стали, хозяйку – кукурузную девочку Майю, обреченную быть центром вселенной для рокового воителя и местом отдохновения на ее груди, а также душеприказчицей коварного маньяка, всегда нуждающегося в отпущении немислимых и бессчетных грехов. Для Майи Серж знаменовал смысл жизни, поэтому она всякую минуту нуждалась в нем как в бессознательном символе. Или, может быть, больше всего во вкрадчивой магии мурлыканья, колдовская сила которого всякий раз, угнездившись на груди рассветной девочки, отправляла ее душу гулять-погуливать по садам и огородам, лугам и пасакам, где бродил-мерещился гулливый медовый охальный избранник, призванный завершить судьбу непутевого, ветреного создания. Возможно ли все

это объяснить жалкими словами? Но ясно одно – пушистый мурлыка Серж для нее значил все в ее жизни: благополучие, надежность, престиж, улыбку будущего, зависть подружек, счастье воскресного утра, когда никуда не надо спешить, а бесконечный кофейно-шоколадный день возится где-то рядом за пеленой дремы, словно мама или работница по дому?

Но кота Сержа рядом не было, пустота веяла холодом, безразличием. Ее любимца не было ни на диване, ни под ним, ни на коврик в углу, ни в корзинке усталой миниатюрными подушечками. Голуби без опаски лопотали-ворковали на балконе, и Майя поняла, что случилось что-то небывалое. Предчувствие нехорошего заворочалось в груди ледяшкой, и Майя, стряхнув остатки сна, поднялась с дивана. Серж всегда будил ее по утрам, трогая язычком щеку хозяйки, трогательно, жалобно вымяукивая: «Мяу-мо-ло-ко, мяу-мо-ло-ко». Трогательно было под сердцем, щекотно и внятно радостно от этого плача – просьбы зависимого, подчиненного существа. И Майя отправлялась на кухню за молоком, с этого начинался ее день. Как упоительно было смотреть, как Серж лакает молоко, ласкает-полощет белую влагу уморительно маленьким язычком, наслаждается, непоседа. А затем он одарял хозяйку щедрым, мудрым, божественным взглядом, таким таинственным, бездонно звездным, понимающим переливы девчоночьей души и прощающим все. Словно в лес лунный, гулкий, обмеренный крыльями нетопырей, заманивал широкой улыбкой и душевно отдавал все просторы дремучие, все дали и долины, непосильные даже для крыльев птицы Симург. И тогда она смеялась золотым смехом, хариусом струилась в перекатах-водопадах счастья, световых потоках, необъяснимых, немислимых, обжигающих душу невидимыми стрекалами. И тогда она прыгивала то ли с тахты, то ли с дивана, бежала и сочилась бездумно сквозь зыбь приснившейся жизни к холодильнику-ворчуну доставать масло и яйца для воскресного омлета. А потом после шипения омлета, мгновенного сладкого удара йогурта по рту, все также в забытьи, в майке и трусиках наперегонки с Сержом бежала на балкон поглазеть, полюбоваться восходом солнца. Это был своего рода ритуал, благословляющий день заслуженного отдыха. Поэтому балкон на пятом этаже был местом особенным. Высоко вознесен был он над пропастью, так высоко, что далекая нижняя твердь даже не мерещилась, ибо надежно поглощена была пучиной. И славу богу, ведь балконный мир девочки Майи был выдвинут прямо в голубые сени самого рая, позлащенной вселенной света и облаков, голубинового полыхания, порхания и веяния, бело-пушистого мелькания перистых минут и свиристящих взглядов то ли птиц, то ли благолепных херувимов. И перегнувшись через перила балкона, сверкая голыми плечами и руками, не разделяя и не осуждая грусть Сержа, Майя махала ладошками хлопотливым голубям, гремящей тучей пересыпающимся в скрипучем крахмальном воздухе, головокружительно веющим и осыпающимся звонкими мгновениями прямо в сердце кукурузной девочки. И радуя взглядом птиц, ты кричала на весь мир: «Эге-ге-гей!» «Мяу-мяу», – вторил где-то рядом Серж, вполне соглашаясь с восторженной хозяйкой, дескать, это классно, но вечер утра мудреней, проживем – увидим. Как здорово! Это тебе не стойка навтыжку перед портретом генерала Гордона, это что-то другое, истинно майское, сфотографированное на балконе вечным дивом-солнцем, взглянувшем на это мгновение из другой вселенной, и, конечно, не из окна имперской мега-башни сквозь неустанные голографические, бредовые дожди.

Но Сержа не было и в помине ни на балконе, ни в ванной, ни в коридоре. Не отзывался Баюн на магическое, безотказно действующее «Кель-кель-кель». Футболка на торс, шорты на бедра, кроссовки со скрипом обьяли подошвы, бейсболка запрыгнула на голову – и вот уже элитный десантник мчится на выручку бойцовому малышу в лице Сержа, оказавшегося в окружении махровых крысиных отморозков. Тем не менее, она готова задать трепку своему любимцу – чтобы больше не лез вперед батьки в пекло. Сердце Майи бьется тревожно ее плюшевого, бархатного Баюна, коммунального чуда-юда нет рядом с ней, одиночество ощутимо холодит грудь, поэтому она обостренным восприятием впервые замечает, что с городом не все ладно. По-прежнему по улицам снуют маршрутки, тренькают на перекрестках краснобокие трамваи, нагло ватно маневрируют Мазды и Тойоты, норовя проскочить перед самым носом австрийского автобуса, подвывая двигателями, катят величественные Камазы. По тротуарам валит толпа робо-людей, разбавленная молодежью в пестрых одеждах. И все же в этой, казалось бы, каждодневной картине шестое чувство улавливает некоторые странные необъяснимые штрихи. Взгляд Майи цепляют остовы брошенных зданий, взирающих на нее слепыми окнами, и она понимает, что бетонных мертвяков стало больше. На крышах некоторых уже пробивается кустарник, это отметина времени безлюдья, страшный, между прочим, признак. Затем Майя замечает сверкающий гребень металлического забора, этакий цинковый штрих-код, гигантским периметром охвативший четверть города. И она с недоумением вопрошает: что это за стройка, и какой олигарх осмелился откусманить сразу сотню кварталов? Однако девочке Майе недосуг размышлять над смыслом столь разительных и явных перемен, опасно прикоснувшихся к ее родному, такому тихому и невинному кварталу. Она не задумывалась над причиной появления железных стен, перегородивших город, тем более некогда было тратить время на анализ неприятных новшеств. Пусть над этим ломают голову сенаторы и разные чиновники – они же получают бабки за это. А Майя и тысячи других джугарных мальчишек и девчонок целиком и полностью захвачены треволениями своей буйной юности, а здесь теснится много такого, от чего трещит голова. Например, судилище над кумиром – неподражаемым Майклом, конечно, из-за его миллионов это рядилище, а из-за чего еще? Или новости в мире рэпа, такие классные ритмы появились, с ума сойти! Новый фильм Мела Гибсона выкинули, люди такое рассказывают – надо посмотреть, иначе от подружек покоя не будет. И все такое, в таком духе, где на первом месте компьютеры, плееры, фирменные джинсы, видеоигры, бойцовые мальчишки из соседнего класса, очередная ссора подружек (не помню уже из-за чего). Прелестная головка Майи с двумя рыжими косичками, торчащими в разные стороны от висков, занята, несомненно, этим глобальным калейдоскопом, имеющим жизненное значение, поэтому ей по фигу, что ее родной город треснул пополам и расселся по обе стороны железной изгороди. Пусть над этим думают взрослые, их же проделки – вся эта хренотень и сайтанские игры в реформы, перестройку, рай на земле, правых, левых, центристов и оппозицию, в результате чего не только город, но и вся планета ухнула в непролазное дерьмо.

И все же кое-что ей нравилось в новом облике города. Например, эти цветные башни – небоскребы, лезущие вверх на все сто этажей. Ух, здорово – сам заокеанский Манхэттен пожаловал в гости к Майе. С Бродвеем вместе явился не запылится, и, похоже, надолго. В восточной, западной и северной зонах мегапо-

лиса поднялась сразу группа сюрреалистических башен, одетых в бирюзовый, зеленый, оранжевый керамит. Но откуда взялась другая махина, такая высокая, что и взглядом не окинуть, вылитая из черного, тускло мерцающего материала, без единого окна – сплошной утес, стена глянца без выступов и проемов – глазу не за что зацепиться. Взметнулся этот колоссальный цилиндр из непроницаемого, неземного магнетита от земли до самых облаков. Мрачный, недоступный, отрешенный, похожий на замок запредельного волшебника, сей исполин, скорее, не притягивал взор, а отталкивал от себя, словно говоря: забудьте про меня, меня на свете вовсе нет! Какой такой олигарх отгрохал эту тусклоту и отгородился от всего мира недоступностью то ли неземной власти, то ли нечеловеческой тайны, этого Майя не ведала, как не знали и сами горожане. Майя многого не знала. Например, того, что башни были воздвигнуты строителями-роботами с применением нанотехнологий и новых материалов, углеродного волокна, сверхпрочной стали и бетонопласта. На стройках не было видно ни кранов, ни обычных машин и механизмов, не замечалась также суета рабочих. Как грибы после дождя, сами по себе тянулись потихоньку вверх башни, обрастая объемом, масштабом, площадью отраженного света. Также незаметно в течение ряда лет вымахала себе чернильно-черная громадина и как-то исподволь устранилась в тень, так хитро и неприметно, что со временем то ли по причине ее непроницаемости для света, то ли из-за того, что она выходила за пределы восприятия и мышления, люди перестали ее замечать.

Майя закинула голову, чтобы получше обозреть контуры гиганта, создающего гравитационную иллюзию неуклонного падения то ли прямо на нее, то ли куда-то вбок, и от этого у девочки явственно закружилась голова. Эффект движения вершины башни был столь ощутим, что Майя попятилась назад, и что-то неуловимо изменилось в ее душе, как будто помрачнело там, словно на ее радужное утро пала тень. И опять недосуг было ей ломать голову над проблемой существования фантастической башни, явно архитектурно воплотившейся со страниц «Звездных войн». Она решила просто, по-житейски мудро: раз такое здание существует, значит, на то есть причины, прежде всего – деньги. Найдя такой ответ, она весьма удовлетворилась своим интеллектом, и, улыбнувшись Манхэттену, со всех ног помчалась дальше искать непутевого, гулливого кота Сержа.

«Кель-кель-кель!» – неслась ее призывная мольба, похожая на пение птицы-сойки. И эти рулады неустанно струились во все стороны, звуковыми стрекалами ошупывая углы забытых дворов; мусорные места, увенчанные контейнерами; захламленные щели меж гаражами; подворотни, где шастали депрессивные псы; грустные тени под кирпичными арками, где, как всегда, как обычно, коты деловито колдовали воробьев; зеленые скверы, в этот ранний час занятые нянями с колясками; подвалы, заселенные бродягами-бомжами, безнадежно заросшими непролазной руганью против всего света. Полагая, что, скорее всего, Серж отправился поохотиться на мышей и крыс среди гор мусора, хотя это было ему строго-настрого запрещено, Майя забрела и в пределы свалки. По пути она вооружилась лыжной палкой, справедливо опасаясь крыс, все же они хищники, среди них попадаются такие матерые мастаки, что любопытной кошке или ротозею-псу лучше на пути им не встречаться. Зажимая нос, девочка по кругу обошла мусор, на зловонную кучу лезть она не решилась. Потом она заглянула в брошенные

бараки, которые некогда для какого-то джугарного народа служили то ли жильем, то ли последним пристанищем перед концом света. Бараки встретили ее очень недружелюбно: нахохленные, словно осенние вороны, они мрачно зевнули ей в лицо отверстыми окнами и дверями. Там было пустынно и гулко, по разоренным комнатам, коридорам, закуткам и чуланам бродил ветер-странник, шевелил ворохи прошлогодней, жухлой листвы, обрывки желтой бумаги, клочки соломы и невесть какой ветоши. Пыль и прах были насельниками этого мира, полноправной нежитью, кишашей тут же за призрачной границей света и небытия. Во многих местах половые доски были безжалостно отодраны, скорее всего, мерзляками-бомжами или хозяйственными шустряками с соседней улицы. Снизу из подпольного мира на Майю алчно взирала густая тьма, крысиный лабиринт, противная, знобящая душу глубь, заросшая гнилостными грибками, сизыми ворсинками неведомых растений не сего мира. Однако Майя из любви к мурлыке заглянула и в эти отвратные паучьи дыры. Быть может, Серж, объявив крысам беспощадную войну до победного конца, пропадает в этих лазах, словно какой-нибудь ниндзя? «Кель-кель-кель!» – несся ее клич в утробы неведомых нор, несомненно, существовавших еще до эры драконов, такой древний и замшелый вид был у них. Лик, отшибающий у всякого чувствительного человека желание познавать нижние миры. Холодило душу дыхание невыразимого сиротского одиночества покинутых жилищ. В дальнем закутке одного из бараков рядом с кучей дерюжки на полу валялась россыпь использованных шприцов, тут же рядом змеился резиновый шланг, это были явные признаки опасного притона. Майя, несмотря на страх, задержалась и здесь, внимательно осматриваясь. Она слышала, что в бараках ошиваются пропащие маньяки, отродье столь дикое и заблудшее, что словами не описать. Вроде того, что в голодные, воем воюющие дни эти обормоты не прочь подкрепиться мясом бродячей кошки или собаки. Однако ее робкие поиски в разбойничьем месте не привели к обнаружению знакомой шкурки. И тогда она поспешила убраться отсюда, пока не поздно. Ведь эти страшные выродки, как она наслышалась от мамы и теток, только для того и существуют, чтобы выследить возделенную жертву, конечно же, глупышку-девчужку, молочную, медовую малолетку, потом схватить – цап-царап, умыкнуть и уволочь бедняжку в свою окаянную берлогу, жуткую, последнюю. Но для чего? Додумать не успела. «Бр-р-р-р», – так и передернуло Майю, и она сломя голову побежала дальше.

Между бараками и старой пекарней, также заброшенной бог знает когда, темнел асфальт захламленного переулка, донельзя скучного, бесприютного, давно не посещаемого ни людьми, ни шальными странниками. Однако коты обожали это место, и Майя знала это. Майя вышла на открытое пространство и тотчас прижалась к кирпичной стене. Вдруг ударом холодного ветра налетел смерч и понес клубы пыли вглубь переулка. А через мгновение вихрь исчез в пустоте, растворился, словно корова языком слизнула.

В разоренной пекарне с частично обвалившейся крышей сильно пахло чем-то терпким, удушливо прелым, явно – сгнившими остатками муки. Где гниль, там всегда и кое-какая жизнь. На лентах конвейера, под тушами элеваторных башен, на ступеньках железных лестниц сновало множество мышей. Это было полновластное мышье королевство. Их здесь было видимо-невидимо – гнусного, омерзительного, пискливого отродья с мерзкими блестящими глазками и противными хвостиками. Как и все нормальные девчонки, Майя на дух не переносила

этих зверьков, с ее точки зрения, тварей ужасных и бессмысленных, сотворенных специально для того, чтобы пугать девушек. Но ради Сержа Майя была готова на любые подвиги, в том числе к путешествию в страну мышей. Поэтому, пересилив отвращение, она вступила в пределы пространства с липким, затхлым тленом, прихотливым бредом, безумным, мелко-кружевным, неуловимо текучим, словно брошенный бисер. Под огромные цистерны и чаны, нависшие над бетоном пола, будто железные тучи Армагеддона, Майя заползала на четвереньках. И всюду ее встречал густой, уже забродивший, кислый запах перегнившей муки. Она обыскала самые затаенные и нелюдимые углы. Однако мрак и холодное молчание стояли сталактитами среди лабиринтов стальных ферм, лестниц, переходов, уходящих куда-то в угрюмую, серую бесконечность. И вдруг... «Мяу!» Пушистая тень скользнула к выходу.

Майя тотчас воспрянула духом. Со всех ног она кинулась к далекому сияющему проему света. «Серж! Серж! Кель-кель-кель!» Но неуловимого кота-ниндзи уже не было и в помине. Бетон и жельсть громыхали под ногами. Переулок отпрыгнул куда-то в сторону, наплыла колоннадой громада палеонтологического музея, нацеливая на нее отверстый вход. Музей тоже был заброшен за ненадобностью. Людям, вступившим в отчаянную борьбу за выживание, было не до костяков доисторических чудовищ, выставленных в залах, а также их фрагментов, сложенных на стеллажах и в ящиках в бесчисленных комнатах и подвале здания.

Не без робости вступила Майя в сумрак помещений, где в арматурных скрепах стояли, а то и дыбились или пластались скелеты неведомых огромных тварей, всяких динозавров, диплодоков, мастодонтов, рапторов. На мраморном полу громоздились живописные кучи битого стекла и раструженной штукатурки, шифера, обломков дерева, кусков фанеры и жести. Здание палеонтологического музея было поистине необозримым каскадом комнат, залов, переходов, коридоров, галерей, вестибюлей, чередующихся беспорядочно, уводящих то высоко вверх на всякие этажи или увлекающих вниз в угрожающий хаос подземных помещений. И везде взгляд девочки натывался на остовы невообразимых зверюг, по всей видимости, когда-то господствовавших на этой планете в эру драконов, которая длилась сотни миллионов лет. Из учебников Майя знала, что эти циклы были временем бесконечной войны всевозможных монстров, изобильно вооруженных друг против друга. Некоторые рапторы имели несравненные когти, больше похожие на кривые ножи – ятаганы, при ударе этими когтями они вспарывали тело добычи на длину нескольких метров, рассекая жилы, разрывая сухожилия и мышцы. Их пасти, утыканые загнутыми клыками и зубами, легко терзали кровоточащую плоть, отхватывая огромные куски мяса за раз. Эти хищники – идеальные убийцы были способны одним прыжком преодолеть расстояние в десятки метров. Двухметровые рапторы, напад стаями на добычу, во много раз крупнее их самих, убивали ее, истово кромсая когтями и зубами. Эти звери были ужасом и дымящимся кошмаром эры драконов. Но самым жутким из всех этих бесподобных злюк был, конечно, тираннозавр. Ростом с трехэтажный дом, весом до девяти-десяти тонн, с клыками в полметра, этот монстр был, конечно, танком своего времени. Если он догонял свою жертву, то у нее не оставалось никаких шансов на спасение. Один или два тираннозавра без проблем могли расправиться с тридцатиметровым диплодоком, самым крупным четвероногим всех времен. В музее ветшал и призрачно осыпался

не воздух, а самое прошлое, и в его глубоких слоях все еще перекатывался отдаленный рев допотопных животных. Майя, едва дыша, тенью пробиралась мимо оскаленных скелетов. Что почувствовала бы она, окажись ненароком в мире живых динозавров и рапторов?

Призраки страха и тревоги витали под потолками этого сурового здания-могильника, они грудились в темных углах, залегали волчьими горбами под дальними арками и лестничными маршами, свивались змеиными ордами, стлались ползли, шелестели, угрожали невиданной опасностью, окружали уstraшенную девочку. Если бы Майя была способна к обобщениям, она непременно подумала бы мыслью Собеседника: «Соберет ли кто-нибудь когда-нибудь кости всех живших на земле людей в одном вселенском здании для назидания и размышлений потомков?»

Но Майя была простой земной девчонкой, не особенно утруждающей себя умозаключениями, поэтому она продолжила свой трудный и опасный путь, плутая между грудями костей, время от времени выкликая: «Кель-кель-кель!» Но коварный Серж, явно задумавший каверзу, на глаза не попадался. Лишь издали доносился смутный зов: «Мяу-мяу». «Бедный Серж, ты, наверное, устал, измучился. Тебе хочется молочка, отдыха на любимом нагретом месте под окном. Что же гонит тебя в дикие края? Хотела бы я понять это!» – в сердцах приговаривала Майя скорее для того, чтобы приглушить нарастающий страх.

Вот и главный выставочный зал под высоченным ажурным куполом с рваной пробоиной, сияющей вверху, словно мистический проход в неземные миры. Яркий объемный столб света отвесно падал вниз, струясь через костяк исполинского зверя, стоявшего на задних конечностях и зубастой пастью почти касающегося пыльной люстры под сводом купола. Этот исполин – тираннозавр поражал воображение размерами и мощностью скелета, созданного для невиданной бойни. Пасть гиганта могла бы целиком проглотить лошадь, передние конечности были вооружены страшными ятаганами-когтями, а нижние – опорные, опустились они на человека, оставили бы от него просто мокрое место. Скелет наводил жуть, но каково стало бы человеку, случись ему увидеть монстра перед собой живым, в бугристой серо-зеленой броне, в облаке горячего дыхания, kloкочущего от рева, в зареве яростно полыхающего взгляда? Смог бы он хотя бы минуту выстоять рядом с неописуемо мускулистым титаном, всем весом изготовившимся к сокрушительной атаке? «Я бы умерла со страху», – искренне призналась себе Майя.

Когда глаза более или менее привыкли к свету, она разглядела в глубине купольного проема темную стену, отвесно уходящую куда-то в недоступную высь. И она поняла, что оказалась недалеко от подножия черной башни, небывалого и невиданного колоссального замка запредельного волшебника, сооружения, чья неизмеримая тяжесть и неизъяснимое гнетущее влияние ошутимо давили и омертвляли даже окружающий воздух. И тогда ее глаза различили странную тень, призраком скользившую вокруг вливающегося в дыру потока света. Поначалу тень почудилась небывало большим мотыльком, заблудившимся под куполом здания, потом она вдруг выросла, и Майя поняла, что видит ночное существо – нетопыря с перепончатыми крыльями, залетевшего в проем не из тьмы, а из другого времени. Но самым необъяснимым было то, что существо это медленно, плавно ниспадало по виткам, неотрывно глядя прямо на нее черными человеческими зрачками. И Майя запаниковала от этого внезапного видения.

«Фур-фур-фур» – донеслось откуда-то сбоку. Майя оглянулась и ахнула от радости. Ее баловень, любимец – кот Серж нашелся! Наконец-то! Он был совсем рядом, сжался в вибрирующий ком из нервов в метрах двух от ног хозяйки. Серж шипел на останки какого-то странного зверька, в смертельной агонии выгнувшегося в пасти капкана. Капкан был ржавый, из забытого века, но он цепко держал позвоночник не то хорька, не то большой крысы, чья бурая шерсть клочками висела на полуобнажившемся скелете. Майя, преодолевая брезгливость, шагнула ближе, взгляделась. Из шерсти погибшей твари торчали бледные ростки неведомого мха-грибка. Майя содрогнулась в спазме отвращения и потянулась к коту, чтобы поскорее взять его на руки. Как всегда, взять, прижать к груди и забыть обо всем, забыться в живом уютном тепле любимца. «Кель-кель-кель!» – запела, заворковала она нежным голоском. Но Серж не поверил. Наверное, одичал всего за пару часов, погуляв в могильнике невероятных тварей. Иначе почему так взъерошился, полыхнул зелеными глазищами, метнулся в сторону и ввысь – и в следующую секунду озарился серебристым светом, почему-то зависнув в гуще ниспадающего луча. Бархатным, фосфоресцирующим сгустком Баюн плыл вверх, неотвратимо переходя в невесомое нематериальное состояние. У Майи закружилась голова. Затем она ясно увидела, что гораздо выше Сержа в потоке того же света машет крыльями, хочет улететь, но никак не может вырваться из магического безвременья пара голубей. Тают, растворяются и вспыхивают вновь, в истовом напряжении распадаются надвое крыльями, мерцают, горят белыми лоскутками в бреду бисеринок-глаз, свиристящих вечностью. Голубей уже нельзя было спасти. И Майя поняла, что у нее есть еще миг для Сержа. Но голубизна голубей кружила, осыпала ее мгновениями приснившейся жизни, втягивала душу в струи поющих взглядов. И она тотчас поняла, что всегда была птицей, а жизнь девочки Майи только что приснилась ей на карнизе бревенчатого дома, мансарда которого купалась и плыла в потоках синего воздуха, широкого, щедрого, ничего не жалеющего для танцующих детей, хороводящих в поле.

Ни о чем не жалеи! О чем может пожалеть свободная птица, кувыркающаяся над голубятней? Под упоенный свист, когда уже не видно ниже ней тверди, навсегда поглощенной пустотой? И Майя озарилась улыбкой, засияла душой-рыбкой, трепещущей в потоках водопада-времени, легко разбежалась, безмятежным смехом откликнулась зову, оттолкнулась даже не от пола, а от какой-то силы и медленно-медленно, утопая, обмирая в истоме, ощущая, как истлевают мгновения, просочилась в световой поток, то ли приближаясь по виткам к человеку-непопырю, то ли отдаляясь от него, тем не менее необратимо истончаясь, стекленея в трансе его влюбленного взгляда. Можно ли клейкими словами Реестра выразить безмерную свободу света, несказанное сияние, в котором плыла и таяла радужная Майя? Парила роем искорок, забывая себя, осыпаясь мгновениями сна Баюна, кота окаянного, достигшего просветления не под крыльцом тростникового дома, поющего и плачущего слезами несметного поля, кружевными следами трясогузок и чибисов, куропаток и перепелов, по случаю праздника награжденных свинцовой дробью юбилейной, щедрой. И даже не в чулане Рыжика, охающего и ахающего от пинков японского

самурая, и не в заветном бункере, кишашем плутониевыми зрачками крыс и крысопауков, а под голубыми крыльями беззаветных голубей, от души свиристящих песню звездного ветра?

* * *

Незатейливая история про девочку и кота произвела на тебя неожиданное впечатление. В груди когтистой лапой взбухла спазма, стало трудно дышать от беспросветной тоски. То был мир, любимый тобой, населенный мирными звуками коммунальный ковчег голубей и кошек, дворников и бомжей, домохозяек и пенсионеров. Пятиэтажный баркас, окутанный не пароходным чадом, а сигаретным дымом, освященный не молитвой священника, а каждодневной перебранкой дяди Вани с бухгалтером КСК, ежевечерним бубнежом и галдежом за стеной про погоду, цены, платежи, коварные козны сантехника Сыча, норвящего сшибить лишние бабки с невинных владельцев жалких квадратных метров. Этот корабль незаметно отчалил от пристани и отплыл навсегда в прошлое. И только теперь ты по-настоящему осознал это.

И все-таки ты любил этот город какой-то трудной рутинной любовью, обжившейся, когда ее отодрали от раны, словно перцовый пластырь. Да, ты обожал свой город, теперь надо было признаться в этом хотя бы самому себе. Там были поистине неплохие денечки, которые надо бы записать на ленту памяти. Особенно были хороши субботние и воскресные дни, вернее, утренние часы, когда ты просыпаешься, зная, что никуда не надо торопиться, можно еще изрядно полежать и понежиться в теплой постели. Когда ты знаешь, что она рядом с тобой, и пик юговских перемен еще не вырвал ее из твоих объятий и не бросил в странствия по закуткам крысиного города. Когда ты уверен, что она не ведьмочка Майя, которой надо сломя голову мчаться искать непутевого кота Сержа, вздыхая при этом о заокеанском обормоте-певце. Когда ты еще можешь позволить себе покувыркаться в золотых волнах зыбкого сна, растворившего пространство и время, а главное, границу между ее и твоим сознанием. Сегодня никуда не надо спешить, потому что субботний день заслуженного отдыха, словно добрая няня, домработница Мурсипа, витает по дому, колдует в кухне, где заваривается под куполом автомата свежий кофе, наполняет умеренно теплой ароматизированной водой ванну. А самое главное чудо такого дня заключается в том, что твоя избранница, трансформировавшаяся в камышовую женщину с глазами бархатной лани, возлежит рядом с тобой на гобеленовых волнах, смежив свои тростниковые ресницы, тихо вздыхая в объятиях самого нежного сна. И ты умиленно улыбаешься – все-таки творец был прав, он знал, для чего сотворил Еву. Он проявил талант истинного художника, когда ваял ее формы, ибо лепил ее чувственными касаниями твоей души – махрового, забубенного мужа, воющего в пустоту, словно одинокий волк-бирюк с отчаянными глазами Уку-филина, бегущего краем леса. Он словно сказал тебе прямо в сердце: «Утешься, тебе суждено пройти через ад, мыслимое и немислимое, но ты будешь не один, рядом с тобой будет она». И ты сразу же успокоился, смахнул слезы, позабыв обо всем, уставился на чудо-юдо с дивными ласкающими душу формами, с глазами херувима, кишашими миллионами огоньков, кренящими твою душу в пучину транса. Но самое удивительное в таком дне – это минута пробуждения, когда она открывает глаза, еще не зная, что она давняя замужня женщина, изрядно пообтертая коммунальной кухней

и обветренная суровыми сквозняками служебных кабинетов. Когда она, полагая себя то ли ранней девочкой Майей, то ли размашистой степной птицей, нет, не пигалицей, а фламинго Айей, то ли голубкой, воркующей на перилах райских сеней, поворачивается к тебе и улыбкой бездонных зрачков мгновенно отправляет тебя во тьму самозабвения. Чем пронзительно счастье такого утра? Разве так важно, минуты или вечность длится этот транс, когда вы смотрите око в око, спросонок не признавая друг друга на грани квантовой, временной волны соединившей вас и сделавшей супругами, можно сказать, боевыми друзьями? Ты всегда смутно ощущал, что волна эта необъятна, неохватна мыслью, это – протяженность в миллиарды лет, и следующее мгновение унесет тебя и ее в разные стороны. Но пока вы рядом, и она возлежит в твоих объятиях, надеясь на бога, также уповая на то, что у нее есть муж, любимый человек, готовый в случае чего на все, чтобы защитить ее. Как глубоко осветилось ее улыбкой утро следующего дня после того, как закончился ремонт квартиры Странника и ты открыл в банке счет на его имя! Она долго смотрела на тебя чудным взглядом, смеясь одними только ресницами – непроходимыми бархатными тростниками, дремучими чащами, осененными усиками махаонов, одаряла бездной света, несказанным теплом и участием, трогала и касалась твоего сердца крылышками загадочного внимания и обещала, не скупилась, не торговалась. И ты был счастлив, словно ребенок, кувыркающийся на лоне божественной матери – мадонны, ты впервые ощутил тогда, что это такое – любить и быть любимым – самый большой дар творца человеку. В глазах светились слезы, и ты тихо попросил, даже не словами, а взглядом: «Будь всегда со мной рядом». А она, потемнев зрачками, ответила безмолвно: «Какой ты хороший».

Ты долго ощущал невыразимую прелесть этих отношений между тобой и ею, конечно, заслуженных, нет, даже завоеванных тобой. В те дни ты словно помолодел. Ты млел от сладостного чувства обладания этой драгоценностью, женщиной редких качеств, по капризу судьбы доставшейся именно тебе. Ты тогда открыл, что ее улыбка, словно солнечный свет, имеет тысячи разнообразных оттенков, а движения – бесчисленные смыслы. Такая женщина с глубокой интуицией в отношениях с любимым человеком может создать свой неповторимый театр, неочевидный для постороннего. Например, утренняя улыбка женщины-оленихи может сиять россыпью золотых самородков, свободно перекатывающихся на чистейшем речном перекате, плеске и переплеске волн. Или просиять жемчужиной сквозь глубокую прибрежную воду. Или просквозить призрачным мотыльком-духом в сумерках вечерней квартиры, кутающейся в потемки, словно в темный пушистый плед. Или совершенно невыразимый телепатический след удивления, оставленный в воздухе чувственным взглядом, немо вопрошающим: неужели он есть Тот, кто был обещан мне, суженый мой? Особенно ты запомнил ее раннюю улыбку на рассвете, когда она открывала глаза, чтобы первым делом найти тебя и воскресить, изваять током сердечной любви, как птицу Феникс, испеленную накануне пожаром ночи.

Возможно ль словами описать магию ее приготовления к ритуальной встрече с тобой в спальней, таинственный обряд, окутанный ароматами заморской парфюмерии, сгущающий чары извечного лукавого колдовства, предназначенного для уловления сердца вверенного ей мужчины? Это совершенно особые страницы, которые ты не раз с болью вспомнишь под бетонными сводами подземелья. Эти

утренние часы, забудутся ли они? В сердце живут они незабвенной памятью. Долгая нега в постели, проникновенные взгляды, загадочный блеск зрачков, милый лепет еще не покрашенных губ, поведывающих о ночных видениях, звонкий смех, шалости в постели, поиск разбросанной одежды, нарочитый переполох, мол, мы опять забыли, что собрались сегодня в горы; вновь сияющие переливы мягкого грудного контральто, какие же мы дурачки, горе-туристы. Тебе разрешалось еще полежать, а она отправлялась на кухню приготовить тебе завтрак.

И еще суждено тебе в такие часы услышать протяжные звуки поднебесного горлового гобоя, поющего о чем-то незабвенном. Ты улыбаешься – у нее милая привычка по утрам включать именно эту ленту. Она любила эти инструменты – гобой, английский рожок, китайскую свирель, сырнай, кобыз, и по этой причине возлюбил их мелодии и ты. Ты понимал, о чем поет ее душа в такие минуты, что хочет сказать избранной музыкой женщина-олениха всему городу, а особенно тому, кто покоится, нежится, словно дембельский кот Баюн, на ее белейшей постели. И ты воочию видел зелено-голубые холмы, омываемые неоглядно широкой небесной рекой, курчавые от обилия кустарников округлости, привлекающие взор яркими красками только что раскрывшихся весенних цветов: тюльпанов, ирисов, подснежников, марьиных кореньев, жарков, кукушкиных слез. И тебе чудилось, что прозрачным, голубым объемным голосом гобоя поют именно эти пестрые весенние холмы, издали маня к себе. И ты улыбался, озаренный догадкой, – она таким образом зовет тебя на прогулку по горам и долам. Тогда ты еще не знал, что у нее есть потайная, скрытая от тебя жизнь, что она, по крайней мере, микробиолог военной ориентации. Ты полагал, что она и есть Флора – дух полей и лесов, воплотившийся на сей раз в казашку с глазами умопомрачительной берберки. Фея с неподражаемым грудным голосом, от переливов которого немеет сердце чувствительного мужчины, для особой магии избравшая мелодии английского рожка и китайской свирели. И ты охотно поддавался этому колдовству, зная, что за завтраком она непременно предложит прогуляться за городом, и ты не сможешь отказаться, хотя тебе позарез нужно покопаться в недрах нового компьютера. Не сможешь, потому что она умоляюще улыбнется, и черный всполох ее зрачков мгновенно отправит тебя в забытье, в безвремяе, где нет ни верха, ни низа, ни правого, ни левого, а есть только томительное и сладчайшее витание сущности. А еще ты понимал поздней догадкой одинокого суриката, что, таким образом предвидя неизбежное будущее, она понемногу приучала тебя к странствиям, так сказать, расширяла тебе душу и сердце созерцанием бескрайних и часто диких просторов. И ты поразился мудрости женщины-оленихи, без мыслей, одной только интуицией проникнувшей в грядущее, несущее ее мужу отнюдь не медовый отдых под райскими кущами, а скитания одинокого пустынного, окруженного тварями и демонами. Со временем ты открыл, что она владела свойствами говорить с сердцем и разумом мужа не только звуками гобоя и свирели, но и всевозможными другими способами и выразительными символами. Все эти символы и знаки ты научился безошибочно читать, поражаясь неистощимости ее фантазии и эстетической изощренности души. Недоуменный вопросительный взгляд на холодильник широко раскрытыми глазами означал, что им пора вдвоем отправляться в супермаркет. Дефилирование туда и сюда перед лицом телевизора-болтуна с бархатной тряпочкой в руке намекало на приглашение посмотреть любимый корейский сериал. Если она выставляла на столик в оранжерее красочную орхидею с цветками, похожими на улыбающиеся

губы, ты понимал, что это особое приглашение, высказанное языком желания. Чтобы научиться читать этот язык знаков и символов, тебе пришлось завести специальный реестр с комментариями и расшифровками. За годы этот дневник разросся в пухлый фолиант – своеобразный протокол намерений Робинзона Крузо и Пятницы. Ты любил перечитывать это своеобразное повествование, конечно, романтическое, пронизанное особым светом. Но в последнее время один вид этой книги вызывал душевную боль и сильнейший приступ ностальгии, поэтому томик с пестро-розовой обложкой пришлось убрать в шкаф. Так тихо затворилась дверь времени, отделив дымчатое флуктуирующее прошлое от тебя, размывая понемногу очертания событий. В памяти явственно осталось общее впечатление о ней – и оно было облаком тоски и боли по дням совместной жизни.

Собеседник внимательно разглядывал тебя недоверчивым взглядом психолога-экспериментатора. От него веяло снисходительностью опытного интригана, циника и скептика, выдавшего виды гедониста, плюющего теперь с высокой башни жизненного опыта на всякие невротические треволения. Похоже, он презирал тебя, возможно, прикрывшись маской сурового безразличия, даже смеялся над твоими переживаниями, вздыханиями по прошлому.

Дрожащими пальцами ощупывал ты ветхие листы, трухляво рассыпающиеся даже под твоим взглядом, словно под порывом осеннего тленного ветра. Это неверное повествование про девочку Майю и кота Сержа казалось бредом Собеседника, неведомо как принявшим формы полуматериальной субстанции. Абстрактным, мысленным взором взглянув на себя со стороны, ты должен был признать, что человек-сурикат переживает не лучшие минуты жизни. Он, конечно, еще не дегенерат, далеко не мутант, но и лесным рейнджером его не назовешь. Скорее, ты похож на соседа Алика в безысходную минуту поиска поясного ремня и последней табуретки. И тогда, трясаясь от гнева, ища руками что-нибудь такое, что можно было бы со всей силы швырнуть в лицо Собеседнику, соломенному господину, беззастенчиво вторгшемуся в твой мир, ты сказал, нет – прошипел:

– Ты, тучело огородное, тюфяк, набитый тленом, мусором, вшами и клопами, что ты знаешь о победе и поражении, о войне и мире остатного человеческого рода? Пусть я последняя разумная тварь, несчастный отпрыск Адама, покинутый аруахами, но я, в отличие от тебя, не тень чьей-то фантазии, не куча мусора, обвязанная старым ремнем и обработанная несгораемым лаком. У меня есть еще время, и я кое-что могу сделать для нее и себя. Но у тебя, повелитель теней и мух, нет ничего, нет никакого шанса. Пусть я червь ничтожный, раб, козел отпущения, изгой, но у меня есть мой великий поход. У тебя же его нет! И я, одинокий сурикат, презираемый тобой, готов к сафари, и ничто не остановит меня. Ты же останешься здесь, и когда лианы джусойи выдавят стекло и жесь, проломаются внутрь, когда стаи джумуров и джубезьян, словно алчущие гиены, ворвутся сюда, в этот кабинет, тебе придет несомненный и полный конец. Термиты сожрут твои соломенные внутренности, муравьи растащат требуху и труху, мышцы разворуют ошметки одежды, моль подвергнет грызушей критике даже клочки тени, так что от твоей физиономии не останется ни символа, ни знака, ни намека, ни следа от наглой претензии на немыслимое безмолвие и сияющий покой Так приходящего.

Огонь гнева запылал в сердце, ты схватил ручку и запустил ее прямо в лицо Собеседника. Тебя качнуло в сторону, ты тотчас уперся о стенку, активно зады-

шал в ритме релаксации. Маленький вдох и длинный выдох диафрагмой, еще и еще. Успокоившись, взял толстую серую тетрадь с коленкоровой обложкой, на которой нетвердой рукой было выведено шаткими буквами: «Реестр Малыша-утенка». Тебе нужно было изучить список джугарных убойных животных, многие из которых были просто кошмарными созданиями.

1. Джусоя – ходячий куст с щупальцами, увенчанными зубастыми присосками, чаще коричневого или лилового цвета. Тварь всеядная, ненасытная. В отличие от растений обладает способностью к перемещениям. Чрезвычайно любопытное и кровожадное создание. Достигает роста в два метра. Размножается с помощью спор и пыльцы. Личинки джусоии похожи на отростки кактуса. Чрезвычайно опасное существо. Любит поболтать перед сезоном дождей. Из-за разлагающихся остатков пищи зевные розетки всегда окружены тучами гнуса, мушек. Куст источает зловоние перепревшего перегноя. Неприятные свойства – имеет привычку по ночам шастать по мусорным кучам, не прочь устроить шабаш прямо под окном дома.

2. Зубуйволы – мускусные, тучные, пряные быки величиной с носорога, покрытые грубой буро-зеленой шерстью. Обычно заняты пережевыванием отрыжки из наркотических джубуйных листьев. Передвигаются большими стадами, мигрируя в направлении водных источников. Весьма опасны во время сезонного гона. В случае нападения джубуров (волокоиен) быки окружают телят тесным кругом и защищают их с беспримерной отвагой, угрожая хищникам острыми рогами.

3. Джумуры – прыткие, прыгучие животные с длинными и цепкими хвостами. У них заостренная крысиная морда. Живут на ветках хлебного дерева, питаются плодами и орехами, днем обычно спят, ночью перекликаются тягучими странными голосами, похожими на детский плач. Нередко устраивают набеги на соседние плантации банановых деревьев, и тогда начинается шумное побоище со стаей соперников.

4. Джубезьяны подразделяются на множество подвидов, хвостатых, бесхвостых, плотоядных, травоядных, всеядных. Живут стаями в несколько десятков особей на скалах и деревьях. Крайне шумные, беспокойные, имеют зачатки интеллекта. На врагов нападают, вооружившись камнями и палками. Подчиняются вождям, полигамны. Из всех джугарных существ наиболее опасны для людей именно джубезьяны, ибо обладают избирательной памятью и способны к ненависти.

5. Зулоны – самые крупные и величественные создания джугарной природы, на треть крупнее африканских слонов. Имеют четыре бивня, живут большими стадами. Мигрируют в поисках воды и глины, богатой минералами. Питаются листьями и плодами джугарных деревьев и кустарников. Самцы исключительно опасны во время гона. Зулоны общаются с помощью инфразвука, способны к коллективным действиям.

6. Джупиры – летающие существа с перепончатыми, кожистыми крыльями. Живут стаями в десятки тысяч особей, питаются насекомыми и фруктами. Некоторые из их видов предпочитают пить кровь крупных животных. Отмечены случаи нападения джупиров на людей. Плотоядных джупиров называют летучими псами, размах их крыльев достигает двух метров. Глаза в темноте светятся багровыми огоньками, обладают способностью к тепловому видению. Этот вид представляет реальную угрозу для людей.

Ты сокрушенно вздохнул, пробежав глазами страницу. Дальше начинался список джугарных хищников, многие из которых, если верить Реестру, были жуткими, неутомимыми и неотразимыми тварями, самыми настоящими отродьями тьмы. Как, например, ночью отбить нападение зунтеры – черной, как смола, кошки величиной с амурского тигра? Зунтера с большой антилопой в зубах может стремглав взлететь по стволу дерева на высоту десяти метров. С всевидящими глазами и чутким слухом, невидимая в темноте, зунтера подобна черной разящей молнии. В чаще двигается, как тень, совершенно бесшумно, подкравшись на расстояние прыжка, атакует сокрушительно, словно летящий таран.

Ты вздохнул, чувствуя, как вплотную подступила печаль. Джугара была обильно населена зверями, многочисленными, жестокими, с непредсказуемыми свойствами. Среди них, как и у людей, наверняка, появились мутанты. Кроме того, в джунглях хаотически кочевали таборы плотоядных кустов – полуживотных, полурастений, витали зверонасекомые, таились грибы-убийцы, шустро маневрировали мохнатые пауки-охотники с ловчими сетями, самым настоящим кошмаром леса были шерстистые осы и пчелы, а также бульдоги-муравьи. Эти членистоногие псы могли за час обглодать до косточек зубуйвола или зуленя. Энциклопедия Малыша-утенка с подробным каталогом растений, животных, насекомых и птиц представляла собой собрание впечатляющих зоологических ужасов. Было, конечно, от чего задуматься даже бывалому человеку, воину с его опытом выживания в экстремальных условиях. Спасет ли тебя автомат в диком джугарном и джусойном лесу, погубившем армии вооруженных до зубов солдат? Скорее в чащах выживет биолог, обладающий знанием секретов леса. Вывод напрашивается сам собой – лесник-рейнджер из тебя не получится. Ты должен проложить путь к острову номер 5, наиболее густо населенному людьми.

Собеседник насмешливо взирал на тебя из своих паучьих сумерек. Твои заботы и треволения ему были абсолютно чужды, ибо сам он принадлежал межвременью, пучине, которая обреталась между бытием и небытием. Он скорее был близок к стрекальным призракам, господам в накидках, замаскированных крысиной тьмой. От него веяло нечеловеческим холодом и волей садиста-экспериментатора.

Ты скрипнул зубами в порыве злости. Делать нечего, надо выспаться и начать готовиться к большому походу.

Ты провалился в сон, кишаший видениями, тревожный и гулкий, пронизанный тенями и жесткими звуками. Тем не менее, придя в себя, ты понял, что тело заметно окрепло, чуток набравшись сил. Ты в последний раз принял ванну, накрепко закрутил краны. Подкрепился на дорогу чашкой кофе и тарелкой супа. Подошел к окну, отодвинул задвижку и глянул в отверстие. Над джунглями шел тихий проникающий дождь. После такого водного сева обычно дружно поднимаются в рост грибы, и бывает их под травами несметное количество. Джусойные деревья собрались в густую рощицу, они оживленно о чем-то лопотали, помахивая щупальцами. Листва их отливала особенно сочным блеском. Соблазненная этой росистой кроной, к деревьям-убийцам направлялась группа зубуйволов. Их, конечно, поджидала ловушка. Животные опомниться не успеют, как их крупы обовьют мускулистые лианы, присоски в два счета вгрызутся в мясо, от натиска кустов сломаются позвонки и лопнут ребра жертв. Корни джусойи ворвутся во

внутренности обреченных быков, чтобы пить кровь и соки под мучительное мычание умирающих буйволов. На шум агонии животных отовсюду сбегутся джубуры и гиены – трупоеды, падальщики. Между шакалами, волками и гиенами вспыхнет злобная свара из-за остатков шкуры, костей и мяса. Яростная возня зверей и стервятников только на пользу джубуйным и джусойным кустам, ибо немало семенных шипов и пыльцы будет унесено зеленовато-бурой шерстью псов. Так новые поросли плотоядных деревьев прорастут по краям охотничьих троп гиен, волков и шакалов – сеятелей поневоле. Грубая и липкая шерсть гиен и шакалов на расстояние переносит семена и других плотоядных растений, чьи пестики и тычинки неведомым образом настроены на запах и движения именно животных-падальщиков. Эта таинственная и странная связь животных и растений, работающая именно на процветание джугарной природы, болезненно затрагивала глубины твоего подсознания. Иногда казалось, что и ты тоже, человек-сурикат, своими действиями в конечном итоге обслуживаешь интересы какого-то кондового дерева. В итоге где-то вокруг норы суриката и его дорожки пышным цветом раскрываются цветы, обещая налиться сочными плодами. Тогда, выходит, это некая Программа. Возможно, ты давно полноправный элемент давнего симбиоза, и у тебя есть партнер – куст или трава. И ты находишься под влиянием наркотического дурмана твоей арендаторши, готовящейся к акту оплодотворения? Мысль эта, конечно, была слишком экзотической и изощренной, чтобы в нее можно было поверить. «Хватит!» – грубо приказал ты себе, пресекая другие мысли, не менее странные и опасные. Ты сурикат, живущий в подземелье, идеолог и стратег своего вида, ты почему-то нужен, и тебя оставили жить. Поэтому, вооруженный знаниями и опытом, ты должен выйти в путь.

Правая нога заныла, напоминая о чем-то забытом. Слегка прихрамывая, обошел весь дом, облазил все три уровня. Переключил центральный компьютер на дежурный режим, настроил все приборы, соединенные в единую сеть. Теперь головной компьютер дома (ты назвал его Хозяином) взял на себя управление функциями механизмов и автоматов. Эти устройства: холодильники, мониторы, кондиционеры, видеокамеры обзора, датчики, электростанция, шлюзы, обогреватели, насосы, биофильтры – сохранят жизнеспособность до тех пор, пока электричество будет питать электронный мозг Хозяина. Когда силиконовые панели на крыше зарастут грязью и мхом, Хозяин переключит питание на литиево-ионные аккумуляторы, хранящиеся на первом этаже. И этой энергии должно хватить еще на пару лет. И все это время приборы и механизмы будут дремать в почти полной темноте, слегка окрашенной карминовыми и зеленоватыми глазками датчиков. Но лет через пять, когда истощатся резервы аккумуляторов, кремниевое сердце Хозяина остановится, и дом суриката умрет. Если, конечно, его раньше не прикончат зулоны своими толстыми хоботами и бронебойными бивнями. В помещениях, где раньше безраздельно господствовала Она, поселятся джумуры и джубезьяны, мощные деревья поднимутся в рост, ломая потолки, кромсая крышу, и еще через несколько лет в густой роще ничто не будет напоминать о былом человеческом жилье. Некому будет вздохнуть над развалинами, разве что вечным плакальщикам – совам и филинам.

От слез помутнело в глазах, и некогда было вытирать их. По давно приготовленному списку собирал вещи в рюкзак. Из оружия взял пару баллонов с кислотой, автомат, упырь, штык-нож, упаковку с деталями разобранного арбалета.

Противогаз с биофильтрами покоился в подсумке. Аптечку с антибиотиками и обеззараживающими таблетками, пластырями, бинтами и шприцами закинул в рюкзак. Запаса воды и еды должно хватить на три-четыре дня. Сверхтонкий тент, спички, кремни тоже понадобятся в подземелье. Подумав, ты бросил тетради Странника на дно сумы. Туда же поместил закутанную в бархатную тряпицу глиняную статуэтку Собеседника. Машинально завернул в салфетку зеркальце, воткнул туда же несколько иголок. Зубная щетка, мыло, паста нашли место в другом свертке. В отдельные карманы рюкзака пристроил пассатижи, многопрофильный складной нож, испытанный фонарик с запасом литиевых батареек. Все, ты готов к походу. Застегнув молнию спецовки, ты подошел к зеркалу и глянул на отражение. На тебя смотрел взглядом упертого бродяги коренастый землепроходец с дюжими волосатыми руками, рот, полный мелких крепких зубов, заметно скалился, выдавая боевой настрой. Снаряжение внушало доверие. Вид человека-суриката тебе понравился. «Ну что же, поживем – увидим», – сказал ты и шагнул к люку в коридоре.

Всей душой, всем сердцем человека, навсегда покидающего родное жилище, ты чувствовал горестную пустоту оставляемого дома. Ты удалялся, а Он наливался тьмой сиротливого одиночества. Однако первая ли эта разлука с обжитым кровом? Суждено ли тебе вернуться назад под защиту этих стен? Где оборвется нить твоего пути? Ведомо ли это небу?

Один люк закрылся за твоей спиной, второй, третий сухо щелкнули запором, прозвонев сигнализатором. Подняты и закреплены лесенки. Затем неспешно прошел через шлюзы в подвале, тщательно завинчивая двери.

В подвале царили темнота и безмолвие. Вопреки твоим опасениям, джумуры и джубезьяны еще не побывали здесь, в нижней кладовой твоего дома. Несколько минут ты возился, тяжело пыхтя, ломаями накрепко подпер дверь с внутренней стороны. Теперь ушлым тварям не снести штурмом железную дверь подвала. Отдышавшись, приподнял стальным штырем плиту в полу – открылся проход в коллекторный туннель. Прежде чем нырнуть в черный проем, ты с удовлетворением подумал, что не зря потратил бесконечные часы на шахтерские мытарства по подземным коммуникациям. Это путь, знакомый тебе, политый потом и протертый твоим собственным животом, локтями и коленями. Ты знаешь, куда надо ползти. Тебе помогут символы и знаки, нарисованные на стенках лотков. Воистину инстинкт предусмотрительного суриката что-то значит в этом мире.

И уже в проходе, опустив плиту на свое место, включив фонарик, ты мысленно процитировал строки из реестра Малыша-утенка.

«Джугарный сурикат – африканский сурок. Наиболее близкие родственники – мангуст и крыса. Живет семьями по тридцать-сорок особей. Однако по неизвестным причинам у сурикатов время от времени появляются одиночки, которые годами обретаются в изгнании. Смысл существования такого изгоя заключается в поисках такой же бесприютной самки. Найдя ее, он получает возможность создания очередного клана. В ожидании удачи сурикат создает сложную систему подземных ходов и сообщений с многочисленными камерами и запасными выходами. Его дом должен в идеале понравиться самке. В случае везения возникает новое семейство сурикатов с несколькими резервными логовами. Ведущие самец и самка обычно преданы друг другу и бывают чрезвычайно чадолобивы. Эти

животные отличаются видовым патриотизмом, любовью к детенышам и привязанностью друг к другу. У сурикатов, видимо, обладающих зачатками интеллекта, замечены признаки культа филина. Завидев филина, сурикаты выстраиваются в ряд и начинают дружно кивать головами, как будто кланяясь своему суровому демиургу. Наблюдения показывают, что одинокие сурикаты, скорее всего, разведчики, выдвинутые на аванпост земель своего клана. Их цель – изучение намерений соседней стаи, которая и оказывается наиболее жестоким врагом данной популяции. В случае внезапной атаки разведчики должны успеть передать сигнал тревоги агентам своей стаи, при этом они часто погибают, если не успевают уйти в подземные коммуникации».

Ничего себе! Изгой, да еще родственник крысы. Хорошее соседство, ничего не скажешь. Все же ты – разведчик, успевший уйти от врагов. Это обстоятельство тебе нравилось. Ничего, ты еще покажешь кое-кому, где раки зимуют! Шерсть на загривке сплошь поднялась дыбом. Ты зло оскалился, почувствовав прилив адреналина.

Эта бесконечная бетонная нора – твое верное убежище. Тебе здесь известен каждый поворот, каждая камера или бункер. Нужное направление помечено на стенках цветными мелками. Помнится, в одном из последних воплощений ты также сильно радовался, ибо, вырвавшись из плена гор, увидел проход на Запад. Но когда это было? В виски тупо заколотила кровь. Ты несколько раз вздохнул, восстанавливая душевное равновесие. На запястьях появились странные обручи, они как будто сдавливали жилы, мешая кровотоку. Откуда эти браслеты? И когда ты их надел? Ответа не было.

Пыхтя и отдуваясь, ты полз по малому коллектору, помогая себе локтями и коленками, кое-где даже извиваясь на животе. Оружие гремело и стучало по стенкам. Этот проход ведет от твоего дома к большому магистральному коллектору. Там можно будет выпрямиться в рост. Рюкзак, подсумка то и дело цеплялись за выступы и заусеницы труб. Однако ты терпел, полз, работая руками и ногами. Было душно и отвратно, словно червю земному пресмыкаться в густой тьме, собственным телом прокладывая путь через пучину. Вот так же некогда в полузатопленной шахте, почти удушенный ремнем, влачил по забою твой дед, тогда подросток, из последних сил тащил корыто с рудой, надеясь заработать на кусок хлеба для семьи. На четвереньках полз по камням, в кровь обдирая живот и колени, кашлем разрывая тугую тьму. Масляная коптилка едва освещала клочок пространства. Тогда фонарей и в помине не было. Довоенные годы были невероятно тяжелыми, голод цепкими кистями держал людей за горло. Ради буханки хлеба и тарелки супа для братьев и сестер он каждый день спускался в забой, чтобы до помрачения разума в сутемени ползать, перхатъ и бредить светом. Чтобы бурлаком окаянным тащить на ремнях саднящую тяжесть и боль своего поколения, приговоренного к лагерям и лазаретам. И он выжил, построил дом для внуков. Мысли о беспримерном мужестве деда помогли тебе справиться с первым приступом депрессии. Сконцентрировавшись на схеме пути, хранившейся в памяти, ты дополз до большого коллектора. Здесь, поднявшись в полный рост, проверил снаряжение. Кажется, все в порядке. Батарейки перекачивались в подсумке. Они были предметом твоей особой заботы. Без света подземелье быстро станет для тебя гробницей. В катакомбах свет – это спасение, возможность двигаться к выходу.

Молчание мертвых труб, уходящих в бесконечность. Когда-то они несли тепло и воду в жилища людей. Теперь они показывают путь сурикату, идущему меж желтых бетонных стен. Ты один в туннеле, меловые стрелки ведут тебя на Запад. Это твои знаки, начерченные во время вылазок. Стрелки потускнели, сырость, микроорганизмы и время съедают мел. Через год от твоих пометок и следа не останется. Над головой – толща ноздреватого старого бетона, метры земли, кишущей джугарными спорами и грибами. Возможно, там уже колышутся зрелые тучные заросли, пуская по ветру семена и пыльцу. Наверняка растения уже знают о норах и ходах суриката. Их дьявольская стайная интуиция подсказала им, где, в каких пустотах и лабиринтах подвизается нужное им, такое полезное землеройное существо, необходимое для симбиоза. Претендент на роль крота с длинным сильным туловищем, крепкими когтями, способными разрыхлять почву, с особо развитым чутьем на пресмыкающихся, особенно рыжих дневальных червей. И они постараются добыть его для себя, для потребности своих корней. Они не пожалеют сил для того, чтобы заманить его в ловушку, подстеречь в укромном месте и захватить, облапошить и одурачить. И ты, вышелушенный из каменной скорлупы, замороченный и околдованный, новый норковый воин, трансформируешься то ли в суслика, то ли в сурка, то ли в крота.

И ты явственно различил призрачный, струящийся над головой гул, знобящий ток запредельных голосов, сливающихся с шепотом Собеседника.

Догадываются они, воспрянут, озарятся и приникнут, прильнут к щелям, порам, отверстиям земли, трещинам древнего бетонного свода, узнают они, узрят и возликуют. Они проникнут, ворвутся в утробу почвы, просунутся, алчные, неумные, в тихие, затаенные недра хлынут стаяй бесчисленной, жаждущей поживы. Несметные, неисчислимые, неудержимые, первобытные, они набегут, навалятся. Они обнимут, щупальцами, присосками, корнями мокрыми коснутся, приластятся и прижмутся. Они тронут, вспыхнут, прорастут, распустятся лесом, нижним, нутряным, пучинным воинством. Киша отростками, волокнами-ветвями, полчищами осьминогов расползутся всюду, где есть хотя бы горсточка праха земного, щепоть пыли и грунта. Пронесутся эпохи, циклы, и никто не узнает сии места, где когда-то проплывала тень согбенного потерянного существа, усталого блудного сына, не чаявшего найти в скитаниях ни прошлого, ни будущего, ни настоящего под тусклыми сводами бункерного неба. Червеобразные членистоногие джусойные корни расползутся по первородной хляби, жиже и плесени, зеленой тине и каше, кишущей пиявками, головастиками, амебами и инфузориями, многоножками и сколопендрами, личинками – тьмой слуг корневого поля. И чем больше будет их в почве и гумусе, клоаке, унавоженной густо и обильно останками, мертвечиной, тем лучше джугаре, тем тучнее выколосятся растения, тем выше поднимутся они, золотясь плодами, радуя взоры птиц и джупиров всевозможных, крыланов, летящих опророметью. Привлекут плоды эти сердца джумуров и джубезьян, зубуйволов и зуленей, зулонов и зурогов, тварей, порожденных неведомо для какой цели Ие со стрекозиными, знойными глазами.

Ты остановился на минуту, поднял мордочку и принюхался к влажному, приторному воздуху. В нем сквозил, извивался, терялся след, приторный, мучнистый. Запах был многообещающий, хотя и неясный. Он просачивался сверху сквозь поры и трещины свода. Он манил, завораживал, рисовал в сознании приятные картины

сытной, покойной жизни на краю поля, населенного куропатками и дрофами. Такой мускусный след источают половые железы самки во время течки. В такой период ведущий самец явно безумствует от беспокойства. Вспомнив кое-что из жизни суриката, ты улыбнулся, оскалив острые и крепкие зубы. Там, наверху, в изобилии пища, много жирной и полезной еды. Там, под корнями джубуйных растений, копошились и множились скорпионы и сколопендры, дождевые черви и тараканы, сороконожки и саранча – богатая белками и жирами добыча. Вся эта снедь была бесхозной, по сути, брошенной на произвол судьбы, ибо не завелся на краю поля рачительный тороватый землерой. Ты скрипнул зубами.

Затем насторожился, прислушиваясь. Явственно различалось бормотание, однако это был не ручей, а монотонный голос Собеседника. Он рассказывал о каком-то существе, пробиравшемся в крысиных норах и ходах: «Он продолжал ползти, помогая себе локтями, ногами, мускулистым животом. Он не ведал ни сомнений, ни тревоги, ибо был у себя дома – в подземном логове, он, опытный, матерый сурикат». Ты пожал плечами. Странный голос и необычная история. О ком этот сказ? Через некоторое время ты обнаружил, что стоишь на четвереньках и изучаешь носом тяжелый затхлый воздух подземелья. Нет, ты не ошибался. Ощутимый ручеек сквозняка пробивался через хмарь коллектора откуда-то справа. Пришлось увеличить яркость фонарика. Место, где ты стоял, было пересечением двух туннелей, следовательно, ты находился где-то под уличным перекрестком. От этого бункера тебе придется продвигаться в западном направлении еще два километра. До той линии, где начинаются подземные ярусы острова номер 5. Вот и ясная цифровая пометка на черном боку сточной трубы. Налево по лоткам ты далеко не углублялся, хотя когда-то пережил сильный соблазн. Тем не менее, из карты ты знал, что этот коллекторный рукав ведет к большому туннелю метро. Карта показывала, что полукилометровый ход, постепенно клонясь вниз, заканчивается железной дверью. Наглухо запертая дверь скрывала проход в аварийную катакомбу, которая тянулась параллельно железнодорожному прогону метро. Аварийный путь, предусмотренный для спасения пассажиров в чрезвычайных ситуациях, имел служебные помещения. Они представляли собой небольшие бункеры, устроенные над резервным ходом через каждые полкилометра. Помнится, ты добрался до той двери, однако открыть ее не решился. За стальным полотном темнела неизвестность, и она была жуткой. Воображение рисовало мрачные воды Аида, в которые превратилось метро, захваченное чудовищами и монстрами, хляби, кишащие умопомрачительными тварями. В тот раз никакого сквозняка ты не ощутил. Неужели кто-то побывал там и оставил люк открытым? Это было бы для тебя самой худшей новостью.

Сквозняк веял холодком неизвестности. Существо, которое осквернило твое логово – человек это или что-то иное? Животное не может справиться с винтовым запором, значит, незванный гость – сталкер либо мутант? Кто, кроме тебя, человека-суриката, давно освоившегося в обширном и разветвленном логове, мог хозяйничать здесь? И что этот говнюк здесь разнохивал? Кто бы это ни был, врагу не поздоровится! Шерсть на загривке поднялась дыбом. Ты нащупал затвор упыря. Инстинкт зверя заговорил в тебе в полный голос. Дрожащими руками наставил фонарик на стену, блеснула жирная меловая стрелка – свежая. Чужая отметина! Кто-то пачкал твою территорию, ставя гнусные, отвратные пометки. Он вторгся в пределы твоих охотничьих угодий! Видел твои предупреждающие знаки и рядом

рисовал свои, нагло малевал кляксы, словно говоря: «Плевать я хотел на хозяина!» Несомненно, этот чужак – враг злобный, хитрый. Скорее всего, он ищет лаз к твоему дому, полному всяких запасов, чтобы разграбить твои заветные закрома. Запасы, приготовленные на черный день, укрытые от постороннего глаза для нее, единственной и неповторимой, сурикатской королевы. Ты должен разобраться с оккупантом и сделаешь это непременно! Иначе он доберется до твоей богатой крепости и вскрыет ее, как консервную банку.

Ты повернул налево. Ярость клокотала в груди. Кругом копошились подозрительные тени. Ты должен наказать чужака. Расправиться с ним без всякого сожаления. Воздух оседал в туннеле мерклыми слоями. Он был древний, замшелый, забытый. Он стоял массивом прошлого и все же хранил устойчивый запах того, кто прошел здесь с недобрыми намерениями – след разрушительных мыслеформ. И все время по стенке бежала жирной многоножкой его меловая отметина. Она словно смеялась над тобой, бывалым сурикатом, проложившим все эти пути-дороги, полноправным хозяином и повелителем этого мира. Стрелка словно вопила, немо злорадствуя: все твои затейливые хитрости и сложная тактика разгаданы вторгнувшимся разведчиком, и твой ум прочитан до конца. Для него нет тайны ни в твоём образе жизни, ни в твоём существе, следовательно, нет и никакого уважения к сану сурикатского воина. Хрипя и задыхаясь от бешенства, ты добрался до конца туннеля, до той самой черты, от которой начиналось запретное пространство, мир, надежно закрытый стальным полотном. В последний раз именно на этом месте постоял, прислушиваясь к тому, что происходило в мертвых, жутких водах метро, затем повернул назад, от души благодаря строителей за крепко сработанные запоры и толщину бронированной преграды. Она тогда была наглухо заперта. Луч фонарика пометался суматошно и неожиданно нырнул налево в черную пропасть. Вот откуда бил сквозняк! Так и есть – дверь была приоткрытой.

Постоял малость. Применил пранаяму, чтобы справиться с галопирующим дыханием. Затем щелкнул запором упыря, выдвигая штык. Помедлил, тихо потянул на себя ручку. Глухо простонали ржавые петли. Луч прыгал туда и сюда, словно огромная летучая мышь. Затем свет успокоился и более или менее ясно показал нутро помещения. Это была небольшая комнатенка квадратов на десять. Словно магнитом притянул взгляд черный круг люка на полу. Сразу заметил, что люк сдвинут с пазов. Свежий воздух бил струей из щели из-под чугунного кругляка. Затем луч показал лесенку, приваренную к стенке, и точно такой же люк наверху в потолке комнаты. Но он был на своем месте, похоже, его не трогали. Значит, враг ушел вниз, в аварийный туннель метро. Не позаботившись закрыть за собой проход. Но кто это?

Осмотрев комнату, ты понял, что видишь одно из служебных помещений аварийной катакомбы. Значит, до самой двери в метро ты не дошел. Должно быть, она по-прежнему закрыта. А этот бункер для тебя – открытие и знак неожиданной опасности.

Отдышавшись, внимательно осмотрелся. В комнате у противоположных стенок стояли железные кровати с матрацами, застеленными грубыми солдатскими одеялами. И ты понял, что комната не была заброшенной. В разное время ее посещали путейщики-мастера. О том, что здесь не раз бывал человек, свидетельствовали черные отметины на одеялах – следы неряшливости заядлых

курильщиков. Конечно, эти обормоты не из тех, кто думает о правилах безопасности. В таких закутках они были далеко от всевидящего глаза инженера или другого надзорного начальства. Они здесь выпивали, отдыхали, перекуривали, резались в карты. А вот и забытая колода на табуретке. Бубновый туз наверху колоды. Под потолком помещения красуется пыльный колпак дежурного фонаря, заляпанного раствором. Без всякой задней мысли нажал на кнопку. Фонарь вспыхнул тусклым красноватым светом. Вот тебе и на! Ты изумленно уставился на лампочку, подавшую тебе весть с верхнего мира. Вот это чудо! Значит, где-то теплится источник энергии. От станции какого острова или башни этот кабель? И кто использует тайный путь, глубоко скрытый под землей?

Первым делом ты задвинул тяжелый кругляк на свое законное место в полу. Затем еще раз осмотрел комнату. Возле одной кровати скромно притулилась кособокая табуретка. На ней на куске старой газетенки темнела горсть лесных орехов. Откуда? При виде еды рот сразу наполнился слюной. Где-то ты уже видел такие гостинцы. Но где, при каких обстоятельствах – вспомнить бы? Опять заломило в висках, а глазницы сдавило знакомой болью. Присел на край кровати. Изрядная куча орехов. Все крупные, как на подбор, спелые, увесистые. Не сводя взгляда с манящей груды, снял снаряжение, бездумными, машинальными движениями разложил вещи подле кровати. Между тем лесные плоды заметно выросли в размерах. Они были уже ой какие крупные, с трещинами на скорлупе, сквозь которые проглядывала соблазнительная мякоть.

Кто оставил эти орехи? Рабочие? Или тот самый чужак? Ты уже сто лет как не ел таких деликатесов. Наверное, вкуснятина? Это тебе не перловка на второе, кислые щи на первое и отвратительные макароны, одним своим видом бросающие в дрожь запуганного, забубенного солдатика срочной службы. Ничего не случится, если ты сделаешь здесь привал, а заодно полакомишься забытыми припасами. Схрумкаешь пару-другую орехов. А потом завалишься на боковую и соснешь часок-другой. Все-таки ты изрядно поработал, подустал нешуточно. Правильно было сказано: от работы конидохнут. Ты же не лошак и не ишак, но суровый, бдительный сурикат, полномостный в своем мире.

Где-то в глубине мозга взвился голос Странника. Он истерически чего-то требовал, угрожал. Но ты больше не обращал внимания на выходки надоевшего внутреннего голоса. Подошел к двери, надавил до упора, затем провернул винт до щелчка запорного механизма. Все – ты один в бункере глубоко под землей, укрытый толщей бетона. Сам бог не найдет тебя в этом чулане. Теперь никто и ничто не помешает тебе как следует отдохнуть, насладившись фундуком. По забыв о самурайском старшине Овцынникове. О других сержантах – овчарках, рвущихся с цепей ротного командира. Пошли они ко всем чертям, а Рыжику позарез нужно расслабиться. Плевать он хотел с высокой башни на кондовый устав и псов в погонах.

Сурикат – всеядное существо, знающее толк в еде. Гурман, любящий полакомиться с комфортом. Плоды были невероятно вкусны. Они заполнили желудок до отказа, прогнав страх, настороженность, всякие тревоги, одолевавшие в пути. Потянуло в сон. Теплая волна зыбью пошла к голове, сначала затопив желудок, живот, грудь. Волна уюта, сладкой истомы. Действительно, что мешает тебе отключиться на пару часов? Чтобы набраться сил и на свежую голову отправиться в путь-дорогу. Ты сам себе хозяин, и никакой Собеседник, тем более Редактор,

тебе не указ. Скрутиться клубком, растворяясь в маете дремы, уткнуться носом в шерстку живота, вздохнуть глубоко и, ощущая всем телом защиту земли, покой обволакивающей тьмы, отдаться неге, нет – кинуться в набегающее облако забытья. В пучинную пустоту, где нет проклятых вопросов бытия, даже малейшего намека на существования. Нет и тени от назойливого «я». Разморенный сурикат, утопая в тумане, едва добрался до кровати. Стоило ему прилечь на бок, как бархатная тьма пушистым медведем беззвучно рухнула на него сверху. Она закрутила и завертела оглушенную душу в недрах глухого небытия.

* * *

Витальный сгусток, пульсируя, оставляя за собой слабый ментальный след, летел под непроницаемыми сводами безвременья. Сколько длилось это безвольное падение в пучину сознания того, кто был Истинно чужим, кто залег миллионы лет назад в недрах базальтовых слоев мерцающим энергополем, – на этот вопрос не мог дать ответа ни инстинкт суриката, ни интуиция бывалого Снежного воина. Глубина нерушимого сна-транса, захватившего все человеческое существо, растворившего ограничения личностной психики и освободившего щупальца иного восприятия, явственно ощутила присутствие Истинно чужого и отреагировала на него импульсом страха. Это было энергополе неземного, внегалактического происхождения, холодная, отчужденная, иррациональная тьма, некая неизвестная сила, чутко реагирующая на любые проявления витальной плазмы. Она леденящей сетью лежала в утробе базальтово-гранитного слоя, покоящегося под поверхностью атомного полигона на глубине трех-четырёх верст в масштабе нескольких сот квадратных километров.

Истинно чужого ты воспринял особым образом – в свободном трансе сна-поля, как будто в тебе на субатомном уровне включили особые сверхчувствительные датчики, сенсоры нейтринного, почти нулевого уровня, проникающие своими нитями сквозь толщу всей планеты. И эти сенсоры немислимым образом воспроизвели тело того, кто был абсолютно чужим для живой материи этого небольшого провинциального космического Локка. Твое глубинное сознание, вплетенное в иную, нечеловеческую и неживотную, структуру, запечатлело этот контакт как событие чрезвычайной важности. Это феноменальное видение продолжалось не во времени, оно просто разрасталось, усложняясь в иной проекции. И ты понял, что Чужой так же видит и тебя, отслеживает твой мерцательный полет под трансфизическим куполом. При этом он не предпринимал никаких усилий закрыться, экранизируя сенсорные жгуты твоего сознания. У него была другая цель. Он пробуждался после сна, который длился миллионы лет. В состоянии рассеянной антипротонной сети, более глубокой, чем колебания временного поля, он продремал в базальтах что-то около четырехсот миллионов лет. Его тело в условной реконструкции данного квази-видения в категориях человеческого мышления представляло собой россыпь антипротонов, связанных особыми энергетическими импульсами.

Энергия сверху порциями продолжала поступать, насыщая тело. Постепенно Истинно чужой вспоминал события, предшествовавшие фазам дифференциации и консервации. Это произошло после чудовищного взрыва, уничтожившего орбитальную базу флота. Этот неожиданный взрыв раскромсал огромную планету на рои астероидов, сорвал атмосферу с соседней красной Локки, испарил ее

океаны, расшвырял флот и разбросал тела воинов по 95 мирам этой окаянной системы. С десятков крейсеров при этом вонзились на большую глубину в недра материи ближайших лун. Взрыв был настолько мощный и направленный по фазам действия, что его ударные волны продолжали догонять остатки флота и после первого акта сингулярности. Корпуса некоторых кораблей, ушедших до магмы, возможно, выдержали эти колоссальные удары гравитационных и проникающих пучковых волн. Броня флагманов была построена с учетом и не таких атак. Флот уже миллионы лет активно действовал на просторах нескольких сот галактик. Всякое бывало при встрече с оружием сверхцивилизаций летунов. Но этот случай оказался особым. Время от времени на континенты с саркофагами воинов обрушивались огромные астероиды – остатки разрушенной планеты. От этих шквалов материя вскипала плазмой, излучаясь взрывами, разрываясь каньонами и кратерами диаметром в сотни километров. Локка, на которой волей случая оказался Истинно чужой, едва выжила после всех этих катаклизмов. Первичная жизнь, теплившаяся на ней, изменилась до неузнаваемости. Сокрушительные удары точно направленных астероидов добрались и до многослойного корпускулярного тела воина, укывшегося в глубине материи. Энергия гравитационных вихрей сорвала с него почти все защитные слои, пока не обнажился основной модуль сознания, окруженный облачком активных антипротонов. Он не успел трансформироваться, завершающая атака летунов из пси-поля дезактивировала защитный слой, и воин, лишившись формы, деструктурированный до критического состояния латентности, погрузился в глубочайший сон, почти смерть.

Летуны из пси-поля оставили его в покое, считая дело законченным. Они принялись искать корабли чужаков по всем 95 мирам системы. Горсточку антипротонов, флуктуирующую в глубине континента, они посчитали останками мертвого воина. И зря. Истинно чужой не был бездыханным. Он находился в состоянии первичного сна – фазе консервации. Смерть как абсолютное уничтожение для него не была предназначена, впрочем, как и для всех сознательных существ вселенной. Перед актом рассеяния он вспомнил, что такой кризис ранее переживал множество раз. Как и другие воины его мира. Это было действие особой Программы проникновения.

Время от времени блуждающие по космосу массивные частицы-монополя, несущие столь необходимый ему заряд, с огромной скоростью врезались в толщу планеты, и тогда в гуще великого землетрясения, пробуждающего вулканы, разрывающего континенты (для него это был только малый толчок), он на какое-то время приходил в себя. Эти редкие импульсы силы всего лишь на несколько наносекунд встряхивали паутину антипротонов, но и этого было достаточно, чтобы Истинно чужой обрел возможность глубокого теста. В течение этих ничтожных мгновений свободы он успевал обозреть все уровни этой поистине жалкой провинциальной планеты с ее небольшими ресурсами. С нулевого уровня он проникал в секреты ее генезиса и с помощью полученной информации просматривал состояние своей сети. Увы, энергия случайного монополя не могла вернуть прежнюю силу и оживить безвольное тело. И, разочарованный, он вновь пассивно погружался в омут вневременного гипертрансого сна, несущего его через бесчисленные циклы этой звездной системы. Так пучина медленно текущих миллионлетних сновидений незаметно занесла его в технологическую эру ускорившейся Локки.

Первые же подземные ядерные взрывы каким-то особым образом тряхнули – активизировали беспамятное сознание Чужого, омертвелого в сплошной базальтовой тусклоте. Все новые и новые взрывы приносили к его обширной сети столь важные импульсы, заряжающие мерцающие антипротоны. Наконец пришло время, когда позитронные сгустки, разогнавшиеся по своим наноорбитам, принялись обмениваться сигналами. Каждый новый ядерный удар вглубь земли накачивал сеть столь желанной, такой нужной энергией. Трех сотен взрывов оказалось вполне достаточно, чтобы он почувствовал себя насыщенным для первых действий по коррекции. Он протестировал все зоны своего рассеянного тела и отдал команду на концентрацию. Он смог дотронуться щупальцами своего пробудившегося сознания до каждого антипротона системы. В нижних зонах планеты свободно блуждали чрезвычайно интересные родственные ему поля. Он подчинил их своей воле, связав их незримыми нитями. Он почувствовал, что может стать хозяином большой стаи. Открывались заманчивые перспективы. Энергетический голод продолжал тормозить его развитие. И тогда после новой серии взрывов, не дожидаясь ответа элементов, начал грубо стягивать их в динамическую форму. И тогда тело начало согреваться. Черная паутина, кишашая антипротонами, двинулась через холодные толщи в восточном направлении к древним горам, где на доступной глубине залегала протяженная, богатая урановая жила. Там же в ущельях находились рудники по добыче этого минерала, обогатительные устройства, технологические сооружения с реакторами. Вся эта примитивная машинерия война не интересовала, он знал, как ему добыть плутониевую энергию иным способом непосредственно из урана. Это было первичное знание его мира.

Воин начал готовиться к первой фазе трансформации. Для этого ему нужна была дополнительная сила – всего несколько десятков подземных ядерных взрывов. Каждый из них стал бы для него шагом к победе, к торжеству, когда он смог бы подняться над этим Локком во весь свой титанический рост. Рядом со своим вновь найденным крейсером. Тогда он смог бы собрать флот, рассеянный по 95 мирам, чтобы помочь другим спящим воинам.

Всего несколько десятков взрывов отделяли его от заветной цели. Стоит ему добраться до уранового пояса, и он свободен, он освободится от скупых подачек этих несчастных созданий, называющих себя разумными существами, сынами и дочерьми планеты. Погрузившись в тело желаемой руды, магнетического минерала, приступив к синтезу плутония, он окунется в море возрождающей энергии. Он расправит крылья первородного дракона, царя стихии, мощь которого этим двуногим даже не вообразить. Когда преображение будет завершено, он войдет в свой корабль, затерянный в недрах этого же континента. В крейсере кое-что припасено, оружие, которое он не успел применить по причине неожиданности сингулярной катастрофы. Ему лишь бы соединиться с флагманом, и тогда проклятые летуны увидят, что битва еще не окончена.

Спутники землян зафиксировали появление аномальной тепловой зоны под поверхностью Семипалатинского атомного полигона. Огромное темное пятно, увиденное радарными военными спутников, напоминало химерическое существо – дракона, медленно расправляющего спутанные еще крылья. Дальнейшие наблюдения показали, что аномальное пятно, слабо флуктуируя, продвигается в сторону Алтайских гор. С этих пор в записях специальных служб энергетическое пятно получило кодовое название – Зона.

Гипнотический сон всей массой самурайского сумоиста давил и плющил твоё сознание, тащил куда-то вниз, рассеивал на элементы, как бы пригоршнями разбрасывая по переходам и лабиринтам подземного, беспросветного мира, уже миллиарды лет не видевшего солнца, заросших тьмой, непролазной, густой. Бетонный бункер, глубоко запрятанный под землей, основательно трудился над остатками твоего «я», словно лесной колдун, упорный и поднаторевший маг, формирующий зомби из умерщвленной жертвы. Он шептал тебе на ухо, наущал, воровал и обещал. Он обнимал тебя весьма дружественной тенью, простирался над тобой покровительственным крылом, напоминая чем-то Редактора, кивал тучной головой, показывая толстым пальцем куда-то наверх.

«Останься здесь, брат мой, сурикат. Здесь ты обретишь покой и истинную суть норкового существа. В норе тихо, уютно, надежно. Враги не достанут ловкого, смышленного суриката, имеющего острые зубы, крепкие когти, храброго, как мангуст. К тому же им заранее заготовлены пути к отступлению, различные резервные норы и ходы, которые знает только он и больше никто. Устрой логово, и я таким же путем приведу к тебе, сюда, сурикатку, молодую, сочную, с обильным чревом. Чтобы тебе, брат мой, не было одиноко и горько в катакомбах и туннелях. А когда один за другим пойдут детишки, я покажу мои сокровища, приготовленные для тебя. Привольно будет твоей душе и сытно животу, ведь, насколько я знаю, ты большой гурман. Велики мои кладовые, но в моем ожерелье не хватает одного бриллианта, и это ты – мой любезный друг. Зачем тебе тащиться на проклятый остров? Там обретаются такие охломоны и обормоты! Они примут тебя за джубура или джугарного опоссума. Начнут гонять, травить, стрелять, обливать кислотой. Даже если они признают тебя за своего, определена тебе участь казарменной крысы – небезызвестного Рыжика, солдата-ассенизатора. Они будут так гноить и гнобить тебя, так надсмехаться и жестоко терзать оравой горилл, что однажды ты не выдержишь, прокрадешься ночью в оружейную комнату, стащишь автомат и пару магазинов, набитых битком патронами. И твоя ударная рота во главе со старшиной Овцынниковым живо превратится в кровавую кашу. А потом псы-краснопогонники просто затравят тебя овчарками. Вот как закончится твоя вылазка. Подумай! Я же накормлю тебя, отогрею, упокою, буду беречь до самой старости. Ничего не пожалею для тебя. Только расскажи, что случилось с тобой на тростниковом поле? Что показала тебе женщина-волчица? Что?»

– Что? Какое поле? Какая женщина-волчица? – ты заворчался, мучительно застонал, изо всех сил пытаясь вспомнить что-то такое, исключительно важное для тебя, то, что ты еще вчера хорошо помнил – оно представляло для тебя абсолютную ценность. И это могло бы остановить бессмысленное мельтешение впечатлений, которые составляли содержание многих дней твоей жизни и были сплошным хаосом бессмыслицы. Тебе только нужно было прорваться в чистое пространство, некую отдушину со свежим воздухом, с лучом света, падающим сверху, словно послание небес. Ты напрягся, из последних сил попытался дотянуться до этой прорехи, обещающей освобождение. Еще одно усилие – и ты окажешься в потоке. Ты увидишь нечто такое, что сразу же откроется тебе как причина причин всех событий, некая тайная сила, которая изначально запутала все связи в один клубок тяжелой обусловленности. И тотчас, радуя душу, все станет ясным и легким, как божий день.

Ты очнулся. Вернее, тебя швырнули в другую маету, достаточно подробную и протяженную, чтобы ты смог адаптироваться и начать работу по собиранию своего восприятия. Ты, все так же мертвецки, свинцово обездвиженный, пластался на железной кровати. Под потолком бункера багрово светился, налитый бычьим гневом, колпак светильника. Главной деталью изменившегося бункерного ландшафта предстала громоздкая тень, сутулая, с несуразной барсучьей головой, с длинным хвостом, стекающим с табуретки на пол. «Джубур!» – в смятении подумал ты, пронзенный испугом, рванулся изо всех сил, но хомуты крепко держали прикованное тело.

Тень шевельнулась, развернулась всем громоздким торсом к кровати, наклоняясь к тебе, и ты различил до странности знакомый, как бы прищептывающий, чрезвычайно учтивый голос. Где, где я слышал эти модуляции? И где видел этот остроголовый, сутулый силуэт кабинетного затворника? От колпака полилась тусклая желтизна с кровавистым оттенком. Стены как бы потяжелели, стало трудно дышать.

– Как вы чувствуете себя, господин мой?

– Ничего, так себе. Выпить бы чего-нибудь.

– Это можно. Вы уже привыкли к нашей еде, питью.

– Что значит к «нашей еде и питью»? – внезапно, без всякого повода рассердился ты, и энергия гнева с неожиданной легкостью подняла твое тело и усадила на матрац. Это произошло так быстро, что ты не успел удивиться. Теперь гири немоты держали лишь ноги, начиная с бедер и до подошв. Там наливалась неимоверная гранитная тяжесть.

– Это относится к секретной видовой информации. Вы просто не осознаете. Видите ли, рокировка, то есть трансформация, прошла так успешно, что дело дошло до полноценной психической мутации. Практически до необратимого уровня. Вы потеряли связь с вашим архивным базовым сознанием и не воспринимаете прошлого. Оно для вас вне сферы обычного. Иначе вы понимали бы, что сейчас с вами происходит.

– Что знал бы и помнил? Говори прямо без намеков! – заорал ты, трясясь от ярости. Жаль, что нет ничего под руками, что можно было швырнуть прямо в морду Собеседнику. Шерсть на спине и загривке встала дыбом. Ты щелкнул челюстями, готовый наброситься на палача-экспериментатора.

– Я сказал бы, но, увы, вижу, что это преждевременно. Вы еще не готовы к такой информации. Реконструкция ментальной памяти без длительной конвергентно-диффузной фазы может закончиться катастрофой. Впрочем, я проверю. Нужны дополнительные тесты и зондирование подсознания. Я попытаюсь. Мы же с вами ученые, хотя принадлежим к разным видам биополя. Если мы отнесемся с пониманием к предстоящему, так сказать, пойдём навстречу друг другу, то эксперимент вполне может завершиться успехом.

– Начинайте! – с тяжелым чувством бросил ты фразу, с трудом подавляя приступ бешенства. Что же, он контролировал ситуацию, и тебе нужно было мириться с этим. Нужно научиться наблюдать за действиями Собеседника, как и за интенциями своего разума. Спасение в терпении и накоплении опыта. Понимая его и себя, ты найдешь выход из ситуации. А пока ты в роли подопытной крысы, и с этим ничего не поделаешь.

– Что? О чем вы подумали? – блеснул смоляными зрачками Собеседник. Он был необычно оживлен, даже взволнован чем-то.

– Так себе. Ассоциации всякие, – уклонился ты. Нужно запомнить каждое слово фразы, чтобы выяснить, что же вызвало у него такую бурную реакцию. Тщательно проанализировать все нюансы.

– Ну-с, начнем. Позвольте задать вам несколько вопросов. Кто вы такой, как ваше имя, ваша профессия? К какому живому виду вы себя относите? Можете отвечать не спеша, это очень трудные тесты.

– Не темните, дражайший! Что может быть трудного в этих вопросах? Я еще не сошел с ума, чтобы забыть себя. Я бойцовый сурикат, мое имя Джоан. Самец, отношусь к семейству куниц. Самые близкие родственники – мангусты и сурки. Обитаю в норе на краю джугарного поля. Может быть, вам сказать, чем я питаюсь?

Долгое удовлетворенное молчание тьмы. Возможно, потрясение, переживаемое экспериментатором. Бункер всеми порами впитывал это звенящее безмолвие. Наконец, тень шевельнулась.

– Да, вы, конечно, правы. В данный момент вы полноценный джугарный сурикат, описанный во всех реестрах и классификациях. Постоянно нуждаетесь в белковой пище. Живете в норе. В период гона... Ну, это опустим. Только в одном месте нужно вас поправить. Дело в том, что ваш вид не относится к семейству куниц. Скажу вам: препротивные существа – хорьки и куницы. Ваш матричный вид – крысиный. Это базовая форма всех норковых животных. Вы должны были это помнить. Хотя и пережили радикальный кризис сознания во время трансформации. Нам нельзя терять последние остатки видового патриотизма, это очень опасно, господин хороший. Сразу скажу вам, что ваши туфли лежат далеко отсюда.

– Какая трансформация? Какая?! – крик вырвался из твоей глотки, выворачивая все существо бурлящей мутью. Ты ринулся прочь, но тень размашисто медвежьей лапой ударила тебя в висок, и ты послушно нырнул в илистые слои безвременья, полного беспамятства, которое окружило тебя разливами холодной пасты, медленно растворяющей иглы боли. И ты безропотно отдался всепоглощающей силе вселенского болота, вековой щелочью разъедающей не только останки существ, но и даже души.

В толще сплошного беспросветного, почти максимального неведения своего я все же особым образом ты ощутил, что пучинная пустота – это не отсутствие всего, а, скорее, присутствие чего-то такого, что выходило за пределы известного опыта и понимания. Скорее, оно ощущалось как некая свертонкая активность, разбросанная по всем направлениям. Сеть, едва вибрирующая какими-то немислимо легкими всплесками, неуловимо летучими, но через мгновение вскипающая шокирующими, ударными волнами. И эти постоянно блуждающие импульсы проносились вихрями, то возникая из небытия ливнем линий, то моментально сворачиваясь до состояния пульсирующей искорки. Самым странным и парадоксальным было то, что в фазах исчезновения, в состоянии, которое нельзя было назвать ни пространством, ни временем, оставался некий след – паутина тьмы, которая продолжала прикасаться и покалывать острым холодом, рассеивая и осыпая восприятия до первичных безвестных фрагментов.

И даже ничтожная заблудшая горсть квантов была нужна ему, Истинно чужому, чтобы хотя бы на капельку усилиться на начальном этапе трансформации. И эта горсточка жизни беспомощно барахталась под наваливающимися холмами чудовищной бездушной массы, не имеющей ни конца, ни края. И судороги остатней жизни были похожи на агонию суриката, попавшего в объятия сетчатого питона, могучего болотного живоглота. Так уж издревле было заведено в природе: заглыванию добычи помогали не только мускулы змеи, но и отчаянные усилия жертвы отдающей победителю не только плоть, но и энергию последней борьбы.

Еще немного, и навеки будет забыт безвольный, выжатый словно тряпка, сурикат, с последним вздохом смирившийся с ролью смертного червя, обреченного отныне витать в утробной жиже необъятной анаконды. В кишках гуттаперчевого стратега, имеющего обыкновение милостиво ставить точку яда в конце жалкой крысиной бегущей строчки.

И тогда что-то в пустоте вновь собралось бьющейся точкой света, рванулось куда-то прочь из силков и на пике неимоверного порыва взмолилось, востенало к великому *Ие*, хмарному повелителю ночного леса с несметными огнистыми очами, воплощенному кошмару крысиных отморозков и змеиных отродий. К Филину пучеглазому, ужасному демиургу, великану пернатому, всевидящему, гортанному горлопану восплакало словами последнего Писания:

– Уку-филин, мглисто-хмарный, пушисто-тучный, крепкий и мощный, исполн громовой, веющий грудами перьев, вращающий гремящий огонь. Ие, летящий возмездием пророков и кренящий поля и доли, расщелины и ущелья, леса и рощи, накравартина очами осыпающий галактики и созвездия, пепел и пот вселенской куропатки Бодоне, бегущей топотом и ором в джугарном косматом вихре, в клубах перекасти-поле, в черном шаре крутящейся ворохами осени. Водитель жизни и смерти, колеса бытия и небытия, явления и исчезновения, зари и заката. Вращатель верха и низа, неба и земли, тьмы и света! Великий врачеватель, повелитель вселенных, кишачих несметных миров в зрачках багровых сычей и неясней с крылами гремящей пустоши. Тебе, о, господин подлунных долов, длинными поклонами простираюсь ниц, бью челом и лью слезную мольбу, вздымаю очи смертной муки. Прошу и уповаю, взметаю крик горький, ищущий защиты и вящего покровительства, Отец тьма-тьмущего тварного мира! Уку-филин, воитель несравненный, повелитель, зрящий пространство и время, мощно шары ора обрушивающий, молниями гнева пронзающий дебри, ополчающийся против всякого страха, коянского прыг-скока из стороны в сторону. К тебе обращаюсь, прости крыло Самрука последнего срока, громовым криком и гневом восстань над миром мрака, поднимись в полет карателя существ низких, едоков трупов и шакалов презренных, коварных, неисчислимых, в хитрости неимоверных. Открой путь свету, помоги, посмотри на сына своего, прости крыло и озари трону в буреломе ему. В беспросветной, кошмарной, в Тмутаракани окаянной, спаси заблудшего, крылан, беспримерный!

И Уку-филин, громоздящийся копной на ветвях пряного великого джусойного дерева, подобного туче, внял молитве последнего суриката, повернул свою мохнатую, умопомрачительную голову, вспыхнул всевидящими, знойными зрачками, кишачими судьбами, городами и годами, садами и огородами, мигнул пару раз и уставился вниз на отверстие норы.

И ты проснулся.

* * *

И ты очнулся. Нет, бездонная, илистая губка, поглотившая и переваривавшая в трансе твое сознание, внезапно конвульсивно содрогнулась, и ее вырвало тобой. В комнате плавал сиреневый полумрак. Колпак ртутного светильника под потолком и карминовые глазки-индикаторы компьютера добавляли в этот световой коктейль багровый оттенок, зловеще расслаивающий пространство и добавляющий ему какую-то иррациональную глубину и беспредельность. Ты поднял голову в попытке разглядеть тело и тотчас тебя пронзило ощущение пробуксовки времени в одном и том же месте. В который раз уже повторяются все эти действия, по сути уже заученные: ты судорожно выныриваешь из омута, поднимаешь голову, оглядываешь окружающее и затем панически начинаешь искать взглядом тело, прикрытое тяжелой мертвецки белой простыней. Нет, ты не умер, ты не в морге на операционном столе. Ты все там же, в тростниково-камышовой комнате, текучей, словно образы на телеэкране. Прошли уже миллионы лет.

Тень в кресле шевельнулась, словно на шарнирах, ловко провернулась и через секунду уже склонилась над тобой. Между тем твои зрачки сконцентрировались, и ты с облегчением увидел свое тело, разбросанное по кушетке, опутанное проводами. Простыни не было, вместо нее таяли остатки грубой бурой шерсти. Запястья рук и щиколотки ног были скованы блестящими хомутами. Проекция зрения обрела устойчивость, и ты понял, что в кресле напротив тебя сидит Редактор, тоже густо оплетенный множеством проводов. От сияющего никелем широкого обруча, обнимающего его голову, тянулся полупрозрачный кабель к черному компьютеру неизвестной тебе конструкции, массивному, обтекаемому, чем-то похожему на осьминога. Ты без труда понял, что провода соединяют твое тело с телом Редактора. И это открытие тебе не понравилось. Лицо у него было желтое, отечное, как будто после затяжной бессонницы или от болезни почек. Глаза смотрели тускло. Большое кожаное кресло в форме раскрытого цветка. Оно похоже на огромную росянку, заглатывающую пойманного насекомого, гигантского шмеля, обвалявшегося в пыльце, квелого, сонно-зыбкого от действия цветочного наркотика. Голос у него надтреснутый, с ноткой привычной усталости и показного раздражения. Интонация ушлого менеджера, подвизающегося в суете чересчур делового офиса, где привыкли стряпать проекты за чашкой кофе, в дыму сигарет, за здорово живешь обрабатывать доверчивых клиентов одними только словесами, проспектами и гламурными образами процветающей фирмы. Но за этой маскировочной дымкой таились зрачки матерого змея, опытного охотника, хорошо знающего цель затеянного им дела. И еще заплечных дел мастера, утомленного не только своим знанием, но и предвидением неизбежных затрат на один и тот же процесс перелопачивания старой человеческой глупости.

– С пробуждением.

– Благодарю, не стоит.

– Почему же? Я всегда с нетерпением жду этого момента.

– Какого?

– Ну, такого, когда обретается память. Ведь память – это то, что очень трудно отнять у индивидуума. Это же неизменная личная собственность, на которую даже государство претендовать не может.

– Не понимаю.

– Зато я хорошо понимаю. Ведь эксперимент уже столько времени в моих руках. Я, так сказать, сценарист и режиссер, постановщик действия и актер, зритель и архивариус в одном лице. К тому же делать резюмирующие выводы положено опять-таки мне, поэтому я еще интерпретатор.

– Ну, а я подопытный, наверное.

– Не совсем так. Скорее, ты соавтор избранного текста, быть может, даже автор оригинальных интерпретаций. К тому же мой давний друг, к которому я питаю неизменную симпатию.

– Премного благодарен за доверие. Хотя у друга, наверное, есть свое мнение на сей счет. Как? Представь себе, что товарищ, непринужденно захваченный врасплох, нежно прикованный к пыточному столу, мягко обвязанный проводами, слегка исколотый шприцами, вдруг заявляет решительный протест против дорогостоящего комфорта. Конечно, вам неприятна черная неблагодарность подопечного?

– Гм-гм. Я вижу, ты многое понимаешь. Что ж, бывают издержки производства. Они неизбежны, особенно когда находишься в протокольной ситуации.

– В какой?

– Ну, в такой, когда интересы общества, государства, державы, даже цивилизации, требуют быть выше личных, индивидуальных мнений. Здесь неизбежно появляются сложные смысловые оттенки, которые выходят за пределы обычной формальной логики. По этому поводу говорят: «Платон мне друг, но истина дороже». К тому же, позволь напомнить тебе, что я по-прежнему твой прямой начальник.

– То есть?

– Ты многое забыл, таковы были следствия твоего похода в Зону. Увы...

– Какого похода?

– Я все понимаю. Ты тоже далеко не дурак, знал, что должен соблюдать правила игры и ухитриться сохранить свою собственную линию. Но я весьма терпелив. Я помогу тебе вспомнить, хотя ты и так все сам знаешь. Я не только твой друг, начальник по работе. В теневом, конспиративном плане я один из ведущих сотрудников 6-го спецотдела, а ты мой завербованный агент с кодовым именем. Ты был подготовлен по особой программе и послан в Зону, вслед за другим разведчиком, отправленным туда же раньше. Этот агент – женщина, очень талантливый сталкер с большой психологической подготовкой. Ее кодовое имя – Ассенизатор. У нее есть и другие прозвища. Впрочем, ты должен сам вспомнить. В Зоне ты был достаточно долго, и что-то с тобой произошло непонятное. Ты вернулся как бы другим существом, можно сказать, не совсем даже человеком. Гм-гм...

– Что ты этим хочешь сказать?

– Как раз это мы и выясняем. Но ты плохо нам помогаешь. Коротко говоря, мы тестируем твое сознание, пытаюсь понять, что же случилось с тобой в Зоне. Это нас исключительно интересует. Мы бьемся над тобой уже много времени. Можно сказать, уйму дней. Сотрудники отдела вымотались изрядно. Итак, твое подсознание хранит чрезвычайно важную информацию огромной стратегической значимости. Не скрою, мы пытаемся ее получить. Но ты нем как рыба. Или действительно не помнишь, или не хочешь говорить по определенным причинам.

– Что?

– Ты должен вспомнить и назвать хотя бы свое операционное кодовое имя, и тогда многое само собой всплывет.

– Операционное? А что, есть и другие прозвища?

– По крайней мере несколько. У всех задействованных в Программе. Из них операционное – ключевое.

– Тогда попробуем наводящие вопросы. Может, они помогут мне кое-что вспомнить.

– Валяй!

– Пожалуй, я начну. Назови сам свое операционное имя.

– Ну, это не секрет. Ты множество раз использовал его, особенно в своих записях, которые почему-то именуешь реестрами Малыша-утенка. Конечно, здесь вопросы задаю я. Но коль это нужно для успеха общего дела, брат мой Маугли, пойду тебе навстречу. Меня зовут Редактор. Как ты мог забыть это слово, оно тоже ключевое. Я действительно редактор, твой начальник по первой работе.

– Второй вопрос. Это что за провода между тобой и мною.

– Да, многое же ты забыл. Это сенсорные линии, подключенные к микро-процессорам, вживленным в нервные волокна наших тел. В свою очередь, они соединены с мониторами. Все эти штуковины через мониторы позволяют видеть образы твоего мозга, даже сны. Не только видеть, но и в какой-то степени синхронно переживать их.

– Ты хочешь сказать, что ты мой партнер по психике?

– Не совсем так. Мы не близнецы, даже не симбиотическая пара. Просто идет процесс отслеживания психологической и духовной информации на глубоком уровне. К тому же ситуацию контролирую я. Это означает, что объект операции – ты. Я просматриваю все доступные образы, анализирую их, обобщаю. Поэтому, говоря языком твоего реестра, я, скорее, – аудитор, арендатор души. Но мне больше нравится слово Оператор. В этом смысле я оператор повторов твоего странствия во внутреннем мире. Как оператор, я помогаю тебе вспоминать. Заостряю внимание на определенных эмоциях, усиливаю психологический след, который ведет к базовой информации. Сейчас я даже назвал тебе слово, которое является ключевым в твоей операционной памяти.

– Даже так? Какое?

В висках заколотила муть, и ты судорожно задышал.

– Не будем спешить. Всему свое время. Еще вопросы?

– Что же такое ты высмотрел в моем внутреннем мире?

– Вот это шлем-визор, он надевается на голову во время контакта. Шприцами в кровеносную систему объекта вводят особую смесь, и затем это самое начинается. Коротко говоря, после многих сеансов просмотра мы обнаружили присутствие в твоём подсознании некоего чрезвычайно любопытного персонажа.

– Какого?

– Ты именуешь его, то есть ее, женщиной-волчицей. Она для тебя много значит. Кто она? Расскажи нам о ней!

Голос Редактора зазвучал чеканным металлом. Он требовал, настаивал, отрезал путь к отступлению. Во всем мире остался только этот голос, гремевший колоколом. Оператор приподнялся с кресла и нагнулся к тебе тушей атакующего огромного моржа. И в ступоре сознания, рвущегося на клочки, ты немо смотрел на мясистый бритый шар, облаченный в сияющий обруч. «Шлем, проклятый шлем», – мелькнуло в памяти и исчезло.

...Острые зрачки, как бы вывинчиваясь из глазных яблок, кололи и буравили тебя:

– Скажи, кто такая женщина-волчица! Ну, мать твою так и эдак! – заходился в астматическом хрипе вздыбившийся морж, которого некому было пригвоздить гарпуном или пешней, приголубить от всей души не жалеючи.

– Зачем она вам? Призрак из темного подсознания?

Редактор тотчас взял себя в руки, продемонстрировав недюжинную волю и тактическую способность. Он вновь сел в кресло и откинулся в нем в прежней позе созерцающего сноба. Его голос на этот раз звучал успокаивающим, миролюбивым тембром.

– Дело в том, что многие зоны твоего сознания и даже подсознания доступны нам и читаются без труда. Большинство важной информации мы получили оттуда. Так что на 90 процентов ты отрапортовался, как и положено агенту 6-го спецотдела. Однако самая глубокая часть твоего ума, именно та сфера, которая нам нужна, была закодированной совершенно особым образом. К сожалению, она оказалась недоступной нам. Все наши попытки здесь, как пишут в ваших романах, терпят фиаско. Здесь и находится злосчастный камень преткновения. Он и не позволяет тебе совершить главный поступок.

– И что это за код?

– Всякий раз, когда мы проникаем к порогу этой сферы и начинаем просматривать картины великого похода, появляется образ женщины-волчицы. Представь себе, она всякий раз требует от нас некий пароль.

– Что за пароль?

Ты едва не подскочил с кушетки.

– Какое-то слово из четырех букв. Или символ. Скорее всего, имя.

– И что же, вы не смогли назвать?

– Ни разу, задумайся! Мы потерпели полное поражение при пяти тысячи попытках. Мы пережили горькое разочарование. Это словами не передать. Суперкомпьютер прогнал все слова из четырех букв из всех языков мира, то есть мы предложили миллиарды вариантов на всевозможных диалектах.

– И?

– Безуспешно! Мы не смогли открыть файлы твоего внутреннего сознания.

Кстати, ты вспомнил свое архивное кодовое имя?

Долгое тяжелое молчание. Тебе показалось, что кондовая голографическая комната настрожилась всеми своими электронными фибрами.

– Что же вы ищете в моем архиве?

– Любопытную вещь. Дело в том, что местность, которую ты посетил во время большого похода, на самом деле таковой не является. В природе таковой просто нет. Мы ее назвали Зоной. Мы предполагаем, что на самом деле это не ландшафт, а пространственная голограмма, совпадающая по своим параметрам с самым активным пятном в аномальной Зоне. Аномальная зона хорошо просматривается со спутников. Она излучает сразу в нескольких диапазонах, в том числе и в таких, которые воспринимаются только человеческими сенсорами, то есть в трансфизических.

– Поясни.

– Это колебание квантовой волны, которое уходит ниже пределов 10 в минус 32 степени.

– То есть за пределы возможностей физических измерений?

– Именно. Я вижу, ты начал соображать. Сейчас ты должен быть очень внимательным. Наши физики исходят из представления, что вся вселенная – это одна субсветовая волна, которая вибрирует в разных режимах. Ее средние амплитуды мы воспринимаем в геометрических образах как видимый мир, то есть как мегагалактику. Высшие ее режимы мы не в состоянии представить, поэтому мы принимаем такие ваши символы, как Абсолют или Пустота, Поле или Небеса. Физики пришли к выводу, что большая часть вещества вселенной что-то около 96 процентов, нами не воспринимается ввиду нетривиальности его состояния.

– То есть оно существует, но наши средства отражения неадекватны.

– Примерно так. И мы это не сразу, но постепенно поняли. Что ж, человек весьма ограничен даже в познании.

– И что же вы предприняли?

– Мы начали развивать теории, экспериментировать. Исследования ведутся с тех самых пор, когда впервые Пятно было убедительно зафиксировано. То есть что-то около пятидесяти лет.

– Ого!

– Да, ты многого не знаешь. Мы выяснили, что над Зоной простирается область особых визуальных феноменов, активно флуктуирующих в неизвестных режимах, возникающих и исчезающих. Ты в своих записях это место назвал...

– Ты хочешь сказать, что тростниковое поле было не полем, а голограммой?

– Да, именно так! Наконец-то вспомнил, голубчик! Процесс пошел! Тростниковое, кукурузное поля, снежные горы – это фиксированные голограммы, которые периодически создавала Аномальная зона, будем называть ее АЗ, неизвестной нам технологией. Среди голограмм присутствовали и другие, например, разрушенный военный городок, гигантские кратеры.

– Что? – ты подскочил со своего места и возбужденно замахал руками. – Быть этого не может! Чтобы наматериализовать целый городок с массой предметов! Не может быть! Что, АЗ – бог? Я же там был, жил годами. Эта была реальность, самая настоящая!

– Топологические голограммы АЗ практически неотличимы от физической реальности. Даже посвященный со временем, пообвыкнув, может забыть о сути происходящего. Именно это и произошло с тобой, агентом 6-го спецотдела, подготовленного по особой Программе.

Редактор смотрел на тебя удрученно с нескрываемым сочувствием. Ты же вновь рухнул на кушетку, прижав ладони к вискам, в которые бешено молотила холодная кровь.

– Я жил внутри голограммы рядом с призраками и ничего не различал? Ты врешь! Ты морочишь мне голову, Собеседник, проклятый! Ты добиваешься, чтобы я сошел с ума. Клинишь мне мозги! Хрен свиначий, обвязанный проводами. Колешь иголками, берешь анализы, экспериментируешь, как тебе вздумается! Сволочь! Что тебе надо?

Вот-вот прорвутся рыдания сквозь спазмы, сжимающие горло.

Редактор нехотя поднялся, плеснул в стакан густую коричневую жидкость. Подошел, участливо предложил, заглядывая в глаза:

– Выпей, это поможет.

– Что это за хреновина?

Тем не менее ты прильнул губами к посудине, смутно сознавая, что ранее миллионы раз проделывал то же самое действие. Зубы выстукивали дробь о край стекла. В молчании прошла минута, другая. Хмурый редактор открыл сандаловую шкатулку, достал толстую сигару, обрезал ножницами конец, повертел ее и с тяжелым вздохом положил обратно в коробку.

– Среди всех прочих фантомов, которые окружали тебя, реальными объектами были баба-агент, дети, в том числе неподконтрольная нам женщина-волчица. И более всего – трансфизическая зона в глубине земной толщи, излучающая в нестандартных диапазонах. После трехсотого подземного ядерного взрыва латентная АЗ, локализованная в глубине земной толщи, заметно активизировалась. Она нагрелась и начала медленно продвигаться на восток в направлении Алтайского уранового пояса. Военные это не сразу поняли, а когда проблема обозначилась, они остановили испытания.

– Но было уже поздно, – ты повернул голову в сторону кресла.

Слезы мешали четко видеть выражение его глаз. Видеть же это было крайне важно для тебя.

– В каком-то роде – да. Военные специалисты – бактериологи зафиксировали первые мутации на генном уровне в растительном и животном мире в районах, прилегающих к АЗ. Увы, это открытие подстегнуло нас в парадоксальном смысле, и мы спешно обустроили на территории действующего полигона несколько биологических станций по изучению последствий радиоактивного и других излучений на живой организм.

– То есть принялись активно помогать матушке-природе, вправляя ей мозги?

– Твоя ирония неуместна. Ты не учитываешь фактор гонки вооружений. Наши усилия и соответственно – результаты в этой важной области оказались настолько ничтожными, настолько незначительными... Они и в сравнение не годятся с тем, что со временем стала проделывать АЗ. Она, например, создавала целые поля неизвестных нам растений, кишаших насекомыми и животными – мутантами.

– Не скромничай. Ваши ученые-обормоты добились неплохих успехов в клонировании животных и растений. Они размещали новые образцы на площадках биостанций на территории полигона.

Длительное, недоверчивое молчание, озаряемое едва уловимыми всполохами тревожного внимания. Точки-зрачки Редактора наливались черными льдинками.

– Это секретная информация. Она была недоступной, в том числе и для тебя, хотя ты и агент 6-го отдела. Откуда у тебя эти сведения?

– Из архива, разумеется.

– Я так и знал. Поэтому мы стремимся прочесть информацию, заблокированную в твоих нейронах. И ты нам поможешь, черт тебя побери! Это архиважно для нас!

– Почему я должен вам помогать?

– Неужели ты до сих пор этого не понимаешь? Ты единственный из агентов, который побывал в ядре АЗ, то есть на тростниковом поле, и вернулся оттуда живым. И не только живым.

– Что еще? Что?

– Ты вышел из поля АЗ, по сути, из генетического реактора измененным, со странными свойствами. Настолько странными и непредсказуемыми, что мы теряемся в догадках. Коротко говоря, ты, с нашей точки зрения, больше не тот человек и вообще – человек ли?

...Крысиные глаза Оператора ударили тебя остриями темных молний, и тебя швырнуло в муть. «А-а-а-а!» – вопль разорвал твою глотку, судорожные спазмы терзали трахеи. Порция успокаивающей жидкости подплыла по воздуху. Где-то далеко качалось лицо Собеседника, играющее губами, словно в руладах горлового пения. Время застыло в веках ледникового периода, затем оттепель хлынула изнутри, и ты различил некую фигуру, оттаивающую в белых наплывах льда и снега. Силуэт ожил, вырос в размерах, приобрел подобие человека. Оказывается у него были глаза и губы. Затем ты услышал голос.

– Ты посмотри на свое тело, конечности. Когда на тебе была такая шерсть или эти когти? Форма медведя и способность погружаться в длительную спячку – только одно из твоих приобретенных свойств.

– Что еще?

– Во время длительной спячки ты радикально трансформируешься с полным психологическим ролевым сдвигом, превращаясь то в волка, то в кабана, филина, зайца, лошадь, утку. Мы устали, сбились со счета. В превращениях ты настолько непредсказуем, то есть опасен, что мы вынуждены были держать тебя в оковах. Хотя до саркофага дело еще не дошло. В конце концов, после нескольких серьезных травм, ранений сотрудников мы осознали, что имеем дело... Как бы тебе сказать.

– Что?

– Мы поняли, что имеем дело с суггестивной голограммой, управляемой из АЗ. Тебя контролируют оттуда. И в твоём подсознании есть код, скрывающий информацию, что тебе, например, было поручено Ими.

– Ими?

– Ну, женщиной-волчицей. На самом деле это какое-то полевое существо. Связано ли оно с АЗ или действует самостоятельно – сплошная неизвестность. Вот что мы хотим узнать. Кто она, что хочет от тебя, чего добивается? Она другая или агент АЗ? Осознай нашу цель, твоих братьев, союзников, пока не превратился в летучую мышь или стрекозу.

– Ты дурачишь меня!

Ты старался говорить спокойно и размеренно.

– Посмотри на свое тело. Откуда на тебе эта дьявольская шерсть и ужасные медвежьи когти? Откуда?

Молчание.

– Итак, твое операционное имя?

Тишина.

– Твое базовое имя?

Безмолвие.

– Твое архивное имя?

Снегопад и лед.

Из воздуха появляется, грозно сгущаясь, материализуясь с неотвратимостью наведенной голограммы, сюрреалистический шприц.

...А-а-а-а! Охо-хо-хо-хой! – Клекот жестяного, медного филина, перекатывающегося громами бочек, несущихся по крутому склону, обрушивающихся на леса и перелески, черные, туманные, застывшие в тревожном ожидании. Спящая обитель ночных теней и дымов, утомленных воинов: барсуков и росомах, медведей

и сурков, кротов и куниц, горностаев – вздрогнула до основания. И ты, сурикат, идущий по следу вожденной самки, такой желанной, источающей пряные ароматы, поднял голову, принюхался, прикоснулся ноздрями к струям живого воздуха. В крови забился темным огнем зов единой жизни. Перед твоим взором вспыхнул образ обольстительной, верткой, словно ласка, сильной сурикатки. Через тактильные ткани ноздрей, кровеносную систему прямо к сердцу жаром накатил светлик королевы логова, обладательницы теплой, нежной шерстки обильного чрева, обещающего невиданное потомство. Какой образ может быть более заманчивым для рачительного и шустрого суриката, захваченного не идеей светлого будущего, а исполняющего природный долг, простой, понятный? Влажные рецепторы, увенчанные чувствительными волосками, кое-что уловили, затем нащупали след, терпкий, бьющий импульсами прямо в мозжечок, они нашли свежую мускусную струю самки, говорящую о том, что она готова к долгожданному гону. И ты, подскочив, замер серым столбиком на задних лапах, уставился вперед, туда, куда вел дымно-желтый теплый след. И увидел исполинское полусухое дерево, задевающее необозримой кроной россыпи звезд. На голый, далеко простертой ветке сидела фигура пернатого демиурга, устрашающего великана, ростом не меньше чем осенний стожок. Филин заворочал ушастой головой, уставился на землероя, сверкнул своими ужасными глазами, нашел в сутемени омертвелые очи своей добычи, всколыхнулся, нацеливаясь, как бы проверяя, не скачут ли из стороны в сторону бедовые, коянские дробинки, вот-вот неистово на весь подлунный мир завопит рыжий детина, сыч окаянный, зовя стервятников на долгожданную расправу.

И ты торопливо закивал, замотал головой, запинаясь, выдавливая слоги, наполовину сминая звуки полузабытой лесной молитвы. И ты застонал, скрючиваясь в три погибели, ибо это не игла полигонного шприца жалила твою хилую жалкую жилу, а матерый гвоздь, трехгранный, голгофский, изготовленный войсковым кузнецом, нахраписто лез через ладонь, дробя косточки, разрывая тонкие капилляры, круша сосуды. И ты, уронив голову на костяк выпирающей ключицы, зашептал, едва шевеля иссеченными губами, уплывая в туман, осыпаясь крошевом слов, исхлестанных кнутами, гонимых по последним путям-дорогам к дыбам, хомутам и висельным цепям: «Апке, не уходи. Апке, слышишь?»

Но она не слышала, поднималась по лестнице роковой, ведущей прямо на небо. И ты рванулся из последних сил, закричал: «Апке, не надо!»

Сухой протокольный голос Чужого, глыбой восседающего на армейском табурете. Катающиеся желваки на медных скулах казарменного сумоиста, намеренного на этот раз добиться цели, пусть даже ради этого придется размножить упертого щегла-дневального.

- Итак, твое операционное имя?
- Странник.
- Твоя цель?
- Разведка, сбор данных на территории АЗ.
- Основные задачи?
- Отсев информации, биологической, радиационной, биохимической, геотермальной, систематизация и первичная интерпретация.
- Главная задача?

– Изучение локальных и глобальных воздействий АЗ на природу местности.
– Что такое местность?
– Обычный природный ландшафт, сложно перекрытый наведенными голограммами, имеющими объемную топологию поля, хребта, разрушенного военного городка, леса.

– Ваши методы тестирования голограмм для различения реальной и искусственной топологии?

– Критерием голограммы обычно выступает специфическая женская фигура, достаточно одинокая. Таковую же семантику несут гротескные фигуры животных-мутантов. Однако главный говорящий образ – кукурузное поле.

– Очень хорошо. Ваше базовое имя?

– Снежный воин.

– Данные вашей подготовки к миссии и снаряжение?

– Боец подразделения специального назначения Дельта 1. В гражданском обществе прикрывался ролью журналиста-международника. Владею приемами джиу-джитсу, карате, самбо. Освоил технологии изготовления подручного холодного и огнестрельного оружия, средств связи, изготовления ядов, катализаторов. Обучен исследовательским действиям и выживанию в экстремальных обстоятельствах, вплоть до ситуации после применения ядерного оружия. Обладаю навыками особых суггестивных психологических стратегий. Имею глубоко внедренный индикатор.

– Вы помните о своей жене?

Молчание.

– Хорошо. Другой вопрос. Собирая информацию, анализируя ее, вы, наверное, обратили внимание на то, что мутации на территории АЗ носят направленный характер.

– Да, я это заметил.

– Ваши выводы на этот счет?

– Мутации носили организованный и глобальный характер. Они затронули все планы, все зоны, все популяции в пределах АЗ. В итоге я пришел к выводу, что это следствие применения особой военной технологии.

– И чьей же?

Молчание.

– Вы пришли к выводу, что наблюдаемые мутации – результат применения экзотического оружия неизвестных нам сил. Мы согласны с вами. Мы считаем, что эти силы локализованы в гранитной толще под поверхностью атомного полигона на глубине от одного до трех километров. Именно там зафиксировано присутствие активированного антипротонного поля, стабильного в режиме сигма-колебаний двойной синусоидой волны. Это аномальное явление в масштабной интенсивности, выходящей далеко за пределы известной физикам нормы. Вы, наверное, знаете, что в системном состоянии обмена импульсами антипротоны до сих пор на этой малой планете не обнаруживались. В историческом времени они не наблюдались в веществе ближайших планет, звезд всей этой галактики. И вдруг эта штука обнаруживается в возбужденном состоянии прямо у нас под ногами, словно там заработал мощный синхрофазотрон сверхцивилизации.

– И вы связываете все эти полевые мутации, появление голограмм с этим самым?

– Именно с этим. Мы и тебя постепенно подвели к этому выводу. Но на каком-то критическом моменте ты сам был неожиданно трансформирован Полем, то есть ядром АЗ. Твоя базовая память, где ты являешься все понимающим стратегом, заархивирована так сложно и глубоко, что ты оказался неподконтролен нам. Фактически как агента мы тебя потеряли. На уровне особого сознания ты превратился в толпу безумствующих существ.

– В толпу?

– Да. В ораву этих дегенератов, полулюдей, полуживотных. На уровне подсознания и сверхсознания мы сейчас не знаем, кто ты на самом деле. Общий центр как бы отсутствует. Тем не менее, мы считаем, что он есть, он парадоксален и сделал тебя чрезвычайно опасным существом. Поэтому мы вынуждены были изолировать тебя в надежном боксе.

– То есть?

– Ты находишься в лаборатории оборонного центра землян в городе-башне на 200-м этаже.

– Не понимаю.

– В 20-м блоке города-башни в специальном помещении с экранизированными стенами.

– Я считаю это жестоким насилием – допрос с применением запрещенных психотропных средств. Вы просто ломаете мне психику. Вот что я хорошо понял.

– Отнюдь нет. Объясняю. Мы следили за тобой постоянно, но особенно тщательно, когда ты направил стопы домой в город. Мы уже тогда подозревали, что ты являешься двойным агентом, нашим и АЗ. Мы сделали вполне обоснованный вывод, что твоя измененная природа, по сути, выступает неким генетическим оружием чрезвычайной мощности. Вывод этот справедлив. Посуди сам: ты шел домой вдоль шоссе, и ни одна машина не брала тебя на борт, потому что ты был окружен толпой мутантов, а за тобой двигалось буйное кукурузное поле с авангардом джусойных деревьев. То есть ты вел к нам армаду мутантов-животных, растений и паразитов. Ты привел к нам беду – апокалипсис. Мы поняли, что ты сам по себе оружие – голограмма АЗ, своего рода биологическая боеголовка, наведенная на землян.

– А-а-а-а-а!

...И ты рванулся с кушетки к ненавистному палачу, ухмыляющемуся монголу, воровскому авторитету с кликухой Редактор. Заплечных дел мастер, он был любителем особо жестоких и изощренных методов пытки. На этот раз он превзошел самого себя. Измываясь над бывшим братаном, он создавал свой главный шедевр жизни – извятие замученного. Изувер! Он испытывал особое удовольствие, ломая кости, как говаривал, проклятым отступникам и сексотам, в недавнем прошлом боевикам, медленно кончая их в тисках оригинальной конструкции. Он заковывал руки и ноги несчастных стальными браслетами и начинал действовать механизмом, поворачивая регулирующийся винт всего на пол-оборота в течение часа. В результате постоянного сдавливания руки и ноги жертвы, лишённые кровотока, начинали постепенно засыхать, отмирая. Так он за пару недель превращал свою добычу в немощный кокон. Скорее, в чучело, набитое не опилками, а спрессованным, концентрированным страданием.

Вываться бы сейчас, накинуться на врага, схватить его за горло, обложенное жировыми складками, и начать сжимать железными кистями, костенеющими от

ненависти, медленно, по миллиметру в минуту или даже в час, глядя, как стекленеют, наливаются смертной мукой его глаза. Ремни затрещали, натужно изогнулись поручни кушетки. Тотчас пикирующим штурмовиком возник из тумана шприц, вожделеющий, истекающий каплями наркотического сна. И тьма обрушилась на тебя, сминая сознание сугробами холода, отфутболивая память в замшелый старый овраг, отвратный, кишаший волками и волкопсами, крысами и крысopaуками; в бункер, где пресмыкались тучные личинки шелкопряда, головастики полковники и генералы, депутаты. Где членистоногие подхалимы копошились, суетились, юлили, сохраняя неизменно почтительную дистанцию по отношению к маточному существу, мозгляку в золотом фасеточном пенсне, длинном плаще из рифленой кожи. Их было несметное множество, пресмыкающихся с гибким составным телом, нутряных червей, озабоченных одной только целью – обожраться поелику возможно, набивая утробу испражнениями венценосного гермафродита, источника неизбежного и темного экстаза.

Приходя в себя, ты шептал то ли ему, теневому, хвостатому существу, затаившемуся в норе, то ли Собеседнику, то ли стрекальным призракам, все так же выстаивающим инквизиторскую службу в караульном углу в своих непроницаемых накидках с высокими капюшонами.

– Прочь! Уходите отсюда! Выбирайтесь из бункера скорее! Иль не видите – ангелы возмездия смотрят сюда?

И этот непрерывный шепот, струящийся, словно пустынный ветерок над барханами, соединял башенную высь с непроглядной глубиной земли, где под бетонными сводами бункера корчился не червь пучинный, а замученный человек-сурикат, обретающий память.

Игла нырнула в жилу, новая порция горячей зыби разлилась по телу. Холодный галогенный свет вырвал тебя из кипени на топчан, и ты увидел как бы со стороны нагой человеческий костяк, перепопоясанный ремнями, синий от пролежней, ворячающий головой и исторгающий стоны.

– Твое архивное имя?

Невнятный стон.

– Ничего. Ты у нас вспомнишь, запоешь как миленький. Наводящий вопрос. В твоём подсознании мы обнаружили еще ряд любопытных персонажей. Они каким-то образом связаны с твоей трансформацией. Однако информация о них также заархивирована и закрыта дополнительным кодом.

– Кто это еще?

– Ты называешь их стрекальными призраками, господами в мантиях. А других, не менее странных – учеными крысами. Кто они, что это за фигуры? Какую роль они играют в Программе?

Молчание.

– После тщательного анализа полученных данных мы предположили следующее. Хотя наша трактовка может показаться весьма экзотической. По нашим наблюдениям, АЗ или ее ядерное сознание может манифестировать подобные психологические голограммы. Это своеобразные связующие агенты – посредники, обладающие чрезвычайной проникающей способностью. Они проникают не только сквозь вещество, но и сознание. Мы полагаем, что твоя память была изменена именно этими господами в накидках, посланниками АЗ. Если это верно, тогда женщина-волчица – это только отвлекающий образ, своего рода тактический маневр, уводящий в

сторону. Эти ублюдки, наверное, знали, что мы будем дотошно копаться в твоём подсознании, и, чтобы замести следы, они создали ложный файл. В нём ничего особенного нет, но для ищущего он выглядит информационной бездной. Этот файл весьма эффективно выполняет свое назначение, отвлекая внимание аналитиков Отдела на себя. Вот почему код не работает. Он просто не запрограммирован на запуск пустого файла. И мы, предполагая это, хотим знать, кто они такие – господа в накидках, а также ученые крысы, которые ведут полевые исследования, используя людей в подозрительных целях, как подопытных животных?

Ты судорожно дергался, извивался, пытаешься высвободиться из ремней. Голос Редактора бил, хлестал по нервам.

– На входящих уровнях мы нащупали интересную информацию. Некая ученая крыса, то есть голограмма АЗ, предлагает тебе осуществить ролевую рокировку: тебе окрыситься, а ей – вочеловечиться. Мы обнаружили, что ты решительно и безоговорочно отказался от выгодного предложения, что тебе делает честь как представителю своего вида. Но у крысиных господ своя логика, совершенно нечеловеческая, перевернутая. Не вычитали ли они в твоём бессознательном подавленное желание, прикрытое обычной человеческой софистикой вокруг проблемы совести и долга? Если наши догадки небеспочвенны, мы должны прийти к неизбежному выводу, что ты являешься тройным агентом: нашим, АЗ и агентов в накидках; то есть признать, что мы имеем дело с натуральным, завершённым ликантропом. А ты должен знать, что к оборотням у нас никакой жалости нет. В результате мы удвоим натиск на тебя. Ты, конечно, изведал кое-какую боль. Заметь, боль – обратная сторона наслаждения. Но те милые ощущения, которые ты изволил вкушать, не идут ни в какое сравнение рядом с тем, что тебе предстоит познать. Представь себе действие яда австралийского воронкового паука: твой собственный желудочный сок, измененный ядом, начнет переваривать тебя изнутри. Причем этот кулинарный процесс затянется, по крайней мере, на год. Ты распухнешь, как мешок с дерьмом. Или яд конусообразного моллюска с жалящей пикой? Прелестные ощущения вызывает его токсин: кожа и мясо в ужасе побегут прочь от своего костяка. Или яд сине-полосатого осьминога. Ты будешь орать все 24 часа в сутки и много дней подряд, пока весь не превратишься в крик. Или нейротоксин желтой древесной лягушки: тебе будет казаться, что все муравьи-бульдоги джунглей собрались к твоему обожаемому телу на фуршет, чтобы вкушать, отрывая по клеточке, да еще поливая лакомство уксусом. У нас еще кое-что есть про запас, но это сюрприз фирмы. Считаю, что мы балуем тебя, раскладывая перед тобой меню изысканных удовольствий. Так что живо выкладывай, что дала тебе женщина-волчица, каким кодом она заперла вход в архивный файл? Ну?

Предчувствуя невиданную, небывалую казнь, какую никто из землян отродясь не видывал, сопровождаемую некротическим гниением изнутри на радость пауку, распадом тела к ликованию полосатого осьминога, нашествием тьмы термитов, муравьев и скорпионов на бранные останки, ты залился слезами. Ты молча заплакал, заканючил в темноту, в бездну окаянную, умоляя Апке, Уку-филина, Малыша-утенка, Борю, Кабанбая, Тайбалу, Кояна примчаться скорее, вступить в сражение ради спасения старшего брата. Сквозь слезы ты различил далекую, размашистую крылатую тень, летящую прямо на броневое стекло. И ты закричал, затрясая в вопле: «Улетай! Прочь! Ты же разобьешься!»

В комнату вошел Редактор. Он нес в руках миниатюрный куб, переливающийся разноцветными огоньками. Он криво усмехнулся, показывая на сияющий предмет:

– Это новейшая кибернетическая разработка. Эта штука глубже соединит нас с тобой. С ее подключением мы будем синхронно видеть, ощущать, переживать практически одно и то же. С той только разницей, что мой мозг заблокирован от боли. Ну-с, начнем.

* * *

Бункер не хотел отпускать своего пленника. В кои веки довелось ему получить пеню от пучинной пустоты – живую человеческую душу. Теперь, обволакивая пленницу многослойным сном, он впитывал миазмы ее страхов, надежды, отчаяния, тоски, любви и ненависти. И старому бетонному коробу, с каждым мгновением все глубже утопающему в бездне времени, захотелось изведать человеческое, незабвенное, и он спросил у темноты, бдительно выстаивающей стражу у тела человека-суриката: «Что такое сердце?» Тьма, оказывается, хорошо знала, что такое сердце, ибо была до предела нашпигована человеческими болями, невидимыми стрекалами, растущими во мраке. Не было этим кочующим ворохам ни числа, ни счета. В великой пустоте, не имеющей ни верха, ни низа, ни середины, ни края, выходящей за пределы пространства и времени, витали эти плазменные чащи, несущие память о всякой боли. Мало кто знал, что именно эта пучина станет главной причиной зарождения очередного цикла существования вселенной, стремящейся к совершенству. Ибо вселенское Ничто, ослепительное, невысказанное, не ведающее пределов, не знает, что ему делать с этим наследием, и оно возвращает его обратно человеку во имя искупления и осветления.

В этом зыбком инфермальном пространстве разбухшим осьминогом плавала и твоя боль. Изрядное тело накопила она в потусторонних запасниках бытия. Это была жалящая энергия, ток, неустанно выходящий в беспросветности. Именно она не позволяла человеку окончательно забыть свою сущность и бесповоротно окрыситься против своего вида. Скрытой стороной твоей боли было одиночество, булыгой нависшее над пропастью. Ты уже свыкся со своим постоянным страданием. Так было, пока ты не встретил ее – женщину с глазами оленихи.

Уку-филин был одинок как перст. Брошен отцом и всем честным народом. Вырос в детском доме-лечебнице. Выпестован суровыми старухами-санитарками. От матери, которую помнил весьма смутно, унаследовал боль, засевавшую в глубине души, как рана от ржавой заусеницы. На память о Серой кукушке остался щемящий образ – глиняное гнездо, обвитое колючей проволокой, на обочине степной полигонной дороги, изрытой воем и свистом проводов напряжения.

Ты заворочался на матраце, приходя в себя. Мало-помалу сознание возвращалось к тебе, и ты теперь пытался вспомнить, о чем шептал тебе невнятный голос, который сочился сквозь серость инобытия. Этот голос тюкал сквозь ночь в глухое забытое окно, далекими отзвуками бередил, тревожил спящий мозг, гомонил, гундосил ветровой струной. Внезапно он нашел себе трещину в плотине тусклоты: «Уходи! Ползи из этой проклятой пещеры. Ты человек, ищи людей.

Вспомни свое имя». И твоя душа вняла голосу. Она повиновалась, вспомнила другое свое предназначение и повернулась в забытую сторону.

Ливень мерцающих строк между обвисшими облаками сна и яви. Сквозь плывущие темно-зеленые и черные глыбы немоты робко забрезжил знакомый свет. Через неизмеримую толщу земли, бетонные крепи бункера, твердыни люков он пробился к тебе, нашел твое полуживое тело, нащупал остатки сознания. Выныривая из тьмы, ты понял, что Собеседник, оставленный тобой в пустом доме охраняемый электронным замком под присмотром коммунального компьютера, обреченный на бесконечную медитацию в сплошном соломенном безмолвии, все-таки не забыл тебя. Ведь ты говорил с ним. Вы провели вместе в одном доме несчетные часы и дни. Вы поверяли друг другу душевные тайны, которые редко доверяют даже близкому другу. Как и ты, он хандрил, переживая тяжелую депрессию, после того как Она покинула дом. Он тоже хотел видеть ее, слышать голос, воспринимать движения прелестного женского тела. Нет, Собеседник не забыл ее. И ты предположил, что в дни твоего полновесного семейного жития-бытия он был счастлив твоим счастьем, переполнен именно твоей радостью. Воистину он жил в твоей душе, ведая почти все о твоих волнениях и беспокойствах. И теперь он ненавязчиво, все же точно находя нужные клавиши, набирал заветный код, открывающий скрытые файлы твоей обездвиженной, обескровленной памяти. Теперь он настойчиво возвращал тебе былое. И ты увидел заветный символ, и ты не поверил своим глазам. Странник показывал тебе нечто открытой ладонью.

Как она любила свои орхидеи, бегонии, фиалки, с какой сердечной проникновенностью выхаживала своих подопечных, лелея как малых детей, ладушек, выношенных и вскормленных собственным чревом. С какой невыразимой интонацией терпеливой няни нежно пеняла им, осветляясь вдохновенно и вспыхивая удивленными глазами камышовой газели. Несравненной лаской опьянялись они, очами берберки, ничуть не подозревающими о жуткой силе своих зрачков, налившихся маковой тьмой среди бесконечных опиумных ресничных полей. Как завидовал ты этим малым и немощным созданиям, безгласным и обездвиженным, но таким счастливым, когда она склонялась над ними и пела им свою горловую песню любви. Казалось, они понимали и внимали ей всем своим существом, трепетали и тянулись вверх, просясь в ее ладони, такие чуткие, с белыми, хрупкими и тонкими пальцами. Тебе казалось, что это не брызги воды летят с ее кистей на растения, а довольно-таки различные световые золотые искорки витают и опускаются на упоенные чашечки, тычинки и пестики цветов, раскрывшихся в трансе навстречу движениям повелительницы – неподражаемой *Ие* с грудным голосом персидской голубки. И однажды в восхищении ты назвал замеченные флуктуации свето-свиристыми, свето-журчалками и свето-плескалками. А также занес эти новые слова в Реестр Малыша-утенка, в скобках написав имя автора. Как бы то ни было, тебе хотелось оказаться среди них, невинных и малых созданий, одаренных ее бесконечно щедрой и откровенной сердечностью и постоянным вниманием. Всего лишь радоваться и расти, колыхаться травой в многоцветном саду, утопающим в лунном половодье взгляда куропатки Бодоне, бегущей краем безмерного, заблудшего поля. Ходкой птицы, оглядывающейся и обещающей невесть что. Быть может, будущее наваждение? Сон в башне из слоновой кости? Или в нефритовом тереме – окаянной буддистской пагоде? Или слезы кукуруз-

ного моджахеда, объявившего священный джихад блудному, пустынному сыну, то бишь себе самому? Кто знает, когда, в каком месте нечаянной судьбы нас паразит в самое сердце взгляд – черная молния запредельной тростниковой лани, Сарасвасти, танцующей в Тмутаракани маковых зерен, окруженных ресничными полями пучинной опушенной вечности? Кто знает это?

Только томился ты странной и невнятной мукой, когда видел все это. Она – твоя женщина, царица коммунального мира, королева отборных кухонных приборов призванная помогать мужу, ублажать его поелику возможно изысканными яствами, утверждая его сущность и предназначение среди предметов и вещей природы, которым в кальпе этой суждено было честно служить, все-таки по-настоящему никогда не принадлежала тебе. Женщина-колибри всякий раз доказывала это, когда кружила, вилась и журчала неустанно с миниатюрной лейкой над раскрывшимися преданными махровыми фиалками. И однажды, до глубины души тронутый ее танцем и пением в оранжевое, совершенно умиленный, ты произнес неловко на родном языке: *«Қарлығашым менің, айналайың»*. И она тотчас отозвалась, откликнулась сердечно, невероятным образом восприняв твои мысли. Она обернулась, и ты ясно увидел ее зардевшее лицо, глаза, сияющие стыдливо и нежно. Как будто в первый раз это между вами происходило. Тогда между вами возникла духовная связь, глубокая, невыразимая. Все происходило без слов в слиянии взглядов. Чудилось, вот-вот откроется свет гораздо более сокровенного единения-понимания. Она подошла к тебе с лейкой в руках, пластиковые сланцы слегка шлепали по босым подошвам. Тебе этот мирный звук нравился, он говорил о ее присутствии, навевал на душу ощущение полного уюта, сообщающего, что твоя женщина дома. Ее оранжевый халат был слегка распахнут, она пахла какими-то духами, колдовскими пряностями не нашего, не индийского берега. Она была рядом, ты ощущал ее живое тепло, но больше всего пьянило душу ощущение пронзительного душевного единства. И ты, волнуясь, запинаясь, проговорил: *«Жаным, будь всегда со мной такой»*.

– Какой? – с улыбкой заглянула она тебе в глаза.

И в неизъяснимом сиянии искорок ее зрачков ты ясно прочитал ответ на давний вопрос, зачем господь сотворил-придал Адаму Еву – неподражаемую подругу. И ты, улыбаясь чему-то своему, произнес, повернувшись в сторону: «Воистину Он был прав. Мы не понимали Его».

– Кто был прав? – переспросила она, усаживаясь рядом на край тахты.

Ее свежевывмытые волосы душистой волной разлились по ее плечам. Они пахли весенним лугом, веяли свиристелями, шмелями и журчалками, улыбались бело-желтой кипенью ромашек и мать-мачехи. Она была непревзойденным знатоком экзотических шампуней и лосьонов, каких-то невероятных кремов, источающих аромат тонкий, медовый, терпкий, головокружительный. Излучающих невидимые токи, вьющиеся над ее белой, младенчески невинной и ароматной кожей. Над долинами, привлекающими взгляд и вовлекающими душу в гущу огромного, гулко-бесконечного ночного сада. И она тебе подарила тот живой, влажный, шумящий, словно огромная капля, луг, летящий по стеблям муссонного дождя. Ливня, несущегося кувыркком под вздохи напоенной травы, растворяющейся в заветном слиянии с океаном. И сама купалась в ливне твоих ласк, бурных, неистовых, неистощимых, умноженных восторгом женской красотой, щедрой, головокружительной, солнечно-белой, ослепительной в наготе любви. И ты

вновь, как будто в первый раз это происходило, забывался, терялся, распался на молекулы первозданного естества. Немел душой дитяти, прикасаясь к холмам лунным, налитым, волнам упругим, млечным, в один миг проносился по путям и дорогам жизни, загораясь до безумия. И испеленный огнем, исчезал во тьме, бездонной, немыслимой, не имеющей ни верха, ни низа, ни середины, ни края. Тонул без следа в чистоте изначального, черного света.

Вот что бередило твою душу саднящей раной! Память о человеческом счастье сидела на самом дне сурикатской души, не желая сдаваться натиску древних, пещерных инстинктов вожделеющего землероя. Вот что манило и неудержимо звало назад к забытому берегу, где одиноким челном качалась на темных волнах бытия судьба окаянного изгоя. И когда это выявилось, Собеседник показал тебе еще кое-что, осколок прошлого, густо заросший мхом забвения.

Однажды, проведя несколько дней за чтением твоих дневников, она сказала, что желает своими глазами увидеть аул твоих родичей.

– Ты так это описываешь, с такой ностальгией. И я поняла, что должна увидеть твою родину. Не только увидеть, но и снять на пленку, если там что-то осталось.

Неожиданная ее прихоть удивила тебя. Но затем, поразмыслив, ты понял, что это не причудливый каприз женской души, а нечто другое. Пожалуй, намерение большое с ее стороны. И вот вы в ауле. Через уйму смутных лет. Конечно, тебя никто не узнавал, да ты и был рад этому. Сняли комнату на окраине у одной полоумной, горемычной бабки, теряющей последние силы в борьбе с мухами, тараканами, молью, комарами. Целый день выгоняли нечисть из комнаты, затем, занавесив проход марлевым пологом, малость передохнув, отправились в поход в прошлое. Вы постарались одеться поскромней, чтобы не обращать на себя внимание деревенских жителей. На ней было простое платье, на голове обычная косынка. Лишь модерновые черные очки да дорогой фотоаппарат в руках выделяли ее из пейзажа деревни, безнадежно утопающей в бытийной рутине под бубнеж и галдеж о сене и скотине, дровах и угле, солярке и керосине. К твоему удивлению, дедовский дом еще пребывал в этом мире. Он только заметно скукожился и осел. Серый и скучный, осыпался прахом в старческой немощи сопротивляться грызущему давлению древоточцев, воинов жестокого времени. Тусклый, неопрятный, утопающий в кучах окрестного мусора и навоза, он ничем не выдал своих чувств при виде одного из гонцов забытого джугарного мира. В нем как будто обитала толпа оралманов, совершенно непритязательных сонных, сенных, дворовых людей. Призраков, совершенно равнодушных и отрешенных, неприязненно сторонящихся при виде чужаков, гостей непрошенных, опасных. Вот так теперь выглядел дом с мансардой, некогда осчастливленный нечаянным танцем Майи под музыку пропадающего Ие. Кривые и косые улочки казались скорее видением, обрамленным для впечатления реальности густыми зарослями полыни, крапивы и всякого бурьяна. Ты их не узнавал по причине невероятной ветхости и заношенности домов, трухлявых заборов, нечиненых дорог, совершенно забытых тупиков и заросших зеленой хмарью переулков. В этой деревне никто уже не боролся ни со стихиями, ни с вызовами жизни, ни даже с болезнями. Преждевременно состарившиеся мужчины и женщины, похожие на тени, дряхлые патриархи да бесприютные души покойников обитали в этих камышитовых и кизячных жилищах, больше похожих на землянки хоббитов прошлого столетия. Осыпая прахом и тленом

лики и формы, торжествовало только время, монотонно шепча о преходящем, иллюзорном, неуклонно съедающем нутро этой богом забытой планеты. «Какой урок Майи», – шептал ты, потрясенный. Небывалая горечь тлеющим углем жгла душу. «А чего ты еще ожидал? – вопрошал голос Собеседника. – Ты просто должен выдержать все это, превозмочь, не надломившись сердцем. Каждый рано или поздно прощается со своей призрачной родиной. Неважно, в каком из уголков калачакры это происходит. Люди одинаковы в смертной слабости, хотя и бывают такими разными в расцвете».

Догадываясь о том, что происходит с тобой, она больше молчала, иногда участливо посматривая на тебя. И ты был благодарен, ибо понимал, что редкая женщина становится соучастницей такого прощания с прошлым. Она была рядом с тобой, и ее безмолвие было пронизано чувством солидарности. Вы побывали в горах, где она фотографировала коричневые столбовые скалы, все так же шествующие на далекую битву великанов. И ты удивился: они и сантиметра еще не прошли в своем походе, а твоя жизнь уже отгрелась колесом и подкатила к финалу. И ты невольно сравнил: величайший звездный остров – галактика и на йоту еще не повернулась, а планета уже устала, изнемогла в бесчисленных витках. Поистине, драма бытия ясна в сравнении.

Женщина вошла во вкус, узнавая памятные места твоей юности. Она ловко орудовала аппаратом, запечатлевая на пленку сентиментальные живописные картины: покосившуюся сельскую школу, тихую речную запруду, заросшее кладбище, заброшенные луга, рощи, поля, кошары, даже развалины сараев. Каждое из этих мест было свидетелем былой джугарной славы, осколком отгремевшего зеленого взрыва. «Я хочу сфоткать все места, которые ты описал, чтобы проиллюстрировать дневники», – как-то сказала она, довольная своей работой. «Зачем тебе это?» – пожал плечами ты, все еще подавленный увиденной картиной разрухи и дряхлости аула. «Это больше мне нужно», – как-то странно взглянула она. И ты невольно согласился с этим выводом. Тебе стало даже легче – она приняла на свои плечи часть твоего груза. Поддавшись душевному порыву, ты поцеловал ее в ресницы, густые, трепетные завесы прелести и любви. Вы стояли, обнявшись, а в передней комнате глухо стонала и бредила, ворочаясь на ветхом топчане, старуха, душой больше принадлежа призракам и покойникам, чем этому печальному миру. Выразительность ее завершенного одиночества поражала. И от этого пронзительного ощущения тебя не защищала даже преданность твоей жены. Ибо ночь пристально смотрела в твое сердце. И ты был беззащитен перед ее проникающим ледяным взором. Ты знал, что рано или поздно этот взгляд тьмы превратит тебя в призрака, в бесплотную тень, бесприютно скитающуюся по дорогам приснившейся жизни. Эти звезды и бездонная пустота, витающая между галактиками, неизбежно проведут тебя по горнилу сужденной трансформации. И никакая сила божественной протекции не защитит тебя от юдоли смертного. Никто из людей не избежал этого. Что и говорить, даже посланник всевышнего Мухаммед, даже благословенные Татхагата и Мессия не избежали чаши сии. Разве что вознеслись они потом, после положенных мук. Словно огнем, охвачена старуха бредом былого. Даже во сне не спастись ей от видений прошлого. Вот они, души покойников, толпами стоят по углам ее дома, наполовину сросшегося с луной. И ты увидел в дальнем углу согбенные и белесые призраки. Однако не содрогнулся, не испугался посланцев

пучины. Рядом с тобой лежала жена, грея тебя своим сильным нежным телом. Ты был не один. Твое одиночество было еще не завершено, и последний мазок не нанесен на скорбную картину.

Ты встал, стараясь не шлепать по доскам пола, подошел к окну. Старые ветлы черными косматыми великанами стояли над спящей деревней. Что они сторожили? Знать бы это. Они сами были уже безнадежно пропавшими патриархами, томящимися в ожидании конца. Вот так они будут ждать еще век, и когда ты призраком объявишься здесь, они будут все еще стоять в смертной последней хандре. Запомнили ли они жизнь деревенских жителей, хотя бы один сказ из бесконечно повторяющихся историй про рождение, болезни и смерть? Удивили ли люди их чем-нибудь необыкновенным? Вряд ли. Одно и то же повторялось здесь на протяжении столетия: серые трудовые будни, оголтелые пивные и бражные праздники, то же самое даже в дни революционных кумачовых шествий, драки и пьяные братания, дюжая изворотливость сельских приставов и надзирателей и простодушное равнодушие крестьян, махнувших рукой на все новшества, мол, все это от лукавого, пошумят, нахватают и успокоятся. Да, ничем не поразили люди память столетних ветел. Мужики и бабы воевали то с белыми и зелеными, то с окаянной немчурой, то раскулачивали кого-то, скакали туда и сюда, гробили своих и чужих ради пришлых и непонятных идей, то собирали имущество в общий колхозный котел, то опять делили по воровскому закону – и так промаялись полвека. За всем этим сыр-бором они не заметили атомных взрывов по соседству на полигоне. А когда спохватились, было уже поздно, молодежь разбежалась по городам, а половина деревни уже отдыхала на погосте. У выживших бедолаг радиация кишела даже в костях, а усталость проникла в самую глубь души. И вот не только старики, но даже сама деревня готова преставиться из-за этих выматывающих знойных бурь. Но самое главное, – во всех этих праведных, священных войнах и дележках был ли хоть какой-нибудь смысл? Ради чего люди надрывались, и кто их так заморочил? Эта луна или черная земля? Поняли ли они хоть что-нибудь из этой кондовой сумятицы, которую называли жизнью?

Старуха надрывно и глухо стонала, зовя то детей, то внуков, то злосчастливого мужа, некогда по пьянке закованного под чужим забором. Одни только немые призраки подходили к ней, они торопили ее, звали с собой. Будет ли ей там лучше? Кто знает. Только ломит немочь кости, гложет сердце безнадежное одиночество, а за окном волком воеет луна. И от всего этого тьма и стынь, кустами растущие по закуткам и углам дома. Ты слушал бред, стон и плач старухи и понимал, что тебе некуда деться от этой правды. Она ждет тебя самого, и то, что у тебя в запасе десять-двадцать лет, ничего не решает. Для калачакры ты уже мертв, ты уже дух покойника, бесприютно слоняющийся по земле предков и ищущий прошлое. Таково веление пучинной пустоты. Мертвец? Ты испугался этой мысли, оглянулся на кровать, чтобы найти взглядом жену, и внезапно очнулся в бункере. Тут же вспомнил: ты человек-бегемот, забредший в этот чумовой погреб то ли вчера, то ли год назад. На табуретке лежала горстка свежих орехов. Рука сама потянулась к ним, но желтый кровавистый свет фонаря остановил тебя. Он что-то говорил тебе невнятным голосом рыхлой раструженной тени. И ты с трудом внял – тебе велят уходить отсюда. Бежать, пока не поздно. И ты с мучительным стоном, преодолевая оцепенение, борясь с мутой, потянулся к амуниции и снаряжению, лежавшим рядом на полу.

* * *

Редактор был не один. По обеим сторонам возвышались два великана в блестящих пластиковых панцирях. «Телохранители?» – подумал ты. Глаза у члена Совета были внимательные, несколько даже сочувствующие. Один из верзил шагнул к тебе и ловко что-то проделал с блестящим шприцем. Звенящая бездна разом обрушилась на тебя, увлекая в сплошную тьму. Все же на границе небытия ничтожная доля тактильного ощущения сохранилась, именно она подсказывала что с твоим мозгом что-то делают. Бесконечно долго длилось возвращение к свету. Ты изнемог, выбираясь из промозглых, сырых расщелин, гранитных теснин, давивших и мозживших сознание. С трудом пробирался через дебри малышовского реестра, увлекательного тебя в чащи невероятных видений.

Над буйным кипенным океаном джунглей, курчавым джусойным подлеском, зарослями зулоньей травы на головокружительную высоту поднялись кроны джугабровых деревьев. Метров на сто взметнулись эти ветвистые шатры, задевая темной листвой туманы и дождевые облака. Каждый джугабр занимал пространство какой-нибудь обычной рощи – такую плотную тень навешивала его густая, изобильная крона. Несметные полчища разнообразных существ обитали на исполинском дереве: под корой, в дуплах, трещинах, ветвях, на паразитических бромелиях, распутившихся садами по стволу на разной высоте, лианах. И этим населением были насекомые, птицы, джубезьяны, опоссумы, змеи, древесные лягушки. И был этот народ вскормлен великим деревом, зрелым, плодоносным орешником. Как описывал Старый и вечно одинокий, приносил джугабр плоды особенные – орехи крупные, величиной с голову человеческого ребенка. Крепкая, как кость, скорлупа скрывала изобилие – груды связанных волокнами коричневых шаров с необыкновенно вкусной и питательной мякотью, насыщенной растительными белками и маслами. Животным, живущим поблизости, добраться до этой вкуснятины было трудно, самостоятельно – даже невозможно. Но они знали секрет джупоссума, скрытного, тихого, глазастого существа, величиной с обычного кролика. Дело в том, что джупоссум испокон веков обитал в норе под корнями дерева, и он находился в прочнейшем союзе с духом джугабра. В глубокой норе под корнями каждого такого великана обитала пара другая скромняг джупоссумов. Трудяги эти обладали кроме безропотного нрава еще одним полезным качеством, а именно – крепчайшими и длинными резцами, украшавшими их челюсти. Во всем джугарном лесу только эти резцы могли справиться со скорлупой этих орехов, да и то в некий урочный час. Поэтому животные старательно берегли и охраняли джупоссумов, если же таковых не было, то, исхитряясь, находили где-нибудь и заманивали под свое дерево. И их проживание неподалеку имело для древолазов жизненное значение.

Если джубур – серый разбойник объявлялся где-нибудь в опасной близости от норы, джубезьяны-разведчики и джумуры, живущие на ветвях, первыми поднимали истошный, оголтелый крик, предупреждающий джупоссума о беде. Не только сигналили, они скакали туда и сюда, швыряли вниз ветки и куски коры, стараясь ошеломить врага. При этом нередко на землю с высоты летели орехи. В полете с высоты те превращались в самые настоящие снаряды, ничем не уступающие чугунным ядрам. При ударе тяжело сотрясалась почва, и на месте падения появлялась изрядная вмятина. Предупрежденный джупоссум опрометью кидался

в спасительную глубину норы, чтобы в укромной тьме переждать неожиданное лихо. Так берегли лесные братья ушастого чудака, и совсем не зря, не без выгоды для себя. Еще раз напомним, что только он мог своими мощными резцами разгрызть необыкновенно твердую оболочку огромного ореха. Ушлые джубезьяны ведали, что сей полезный зверек был не только тихий, одинокий скромняга, но и, к их счастью, изрядный ротозей с рассеянной памятью. Чему братаны-древозазы, конечно, были только рады. Как только звуком удара о землю плод сообщал о своем падении, джупоссум выбирался из норы. Сначала он предусмотрительно изучал местность, принохиваясь, нет ли поблизости хищника. Затем шустро подбегал к ореху и, осмотрев, вгонял в его бока свои стальные зубы. Сжимая плод с максимальной силой, он поднимал его и тащил в заранее намеченное место, обычно на границе тени под кроной дерева. Там, оглядываясь по сторонам, ловко работая лапами, вырывал небольшую ямку, чтобы схоронить свою добычу. Пока он так работал, старался от всей души, вся хвостатая орава сверху наблюдала за его маневрами, запоминая место клада. Эти охламоны, не в пример джупоссуму, были наблюдательны и цепки памятью. Они кое-что знали. Орех неделю-другую должен отлежаться во влажной почве, чтобы вскоре в местах укуса зверька от действия воды и грибков появились трещины. Самая большая трещина обычно разрывает скорлупу с ощутимым звуком. Именно этот звук и сообщал джубезьянам, что сытный и вкусный обед готов. Оставалось дело за малым – найти плод и поскорей набить брюхо маслянистой желтой мякотью. Без бурной свалки, конечно, трапеза не обходилась. Таким был этот практичный и жуликоватый народ, пока обходящийся без бомжей и полицейских. Но наркоманы среди них уже были. Конечно, этот союз был выгодным для обеих сторон, потому что всегда джупоссуму кое-что оставалось, да и желудок у него был несравненно более скромных размеров.

При этом мало кто знал, что больше всех от кооперации джубезьян и тихониджупоссума выигрывало дерево. Тайными путями муссонной магии оно устраивало дело так, что и верхняя стая, и нижний грызун обычно забывали-теряли какой-нибудь заблудший орех, спрятанный в опавшей листве на отшибе. Там он спал, дремал себе целый год, и через многие месяцы во влажной насыщенной почве из его сердцевины через трещину пробивался крохотный тугой росток, этакий изумрудный мальчик-с-пальчик, в будущем по велению духа времени должный подняться над лесом мшистым великаном, кормильцем множества существ, оплотом чащ, повелителем облаков и туманов. На пользу общему лесному делу шла и расколота животными скорлупа. Темными чашами покоилась она в траве, постепенно наполняясь дождевой водой. В этих микропрудах неизбежно заводилась своя фауна: головастики древесных лягушек, личинки жуков, москитов, стрекоз. Как только они приходили в движение, начиналась битва крох, та же самая война с применением ядов, челюстей, зубов, убийственной тактики и стратегии. В этих укрытых миниатюрных вселенных повторялись события и законы большой джугарной природы. И с этим ничего нельзя было поделать, ибо мир просто не знал ничего другого. Чтобы выжить, надо съесть соседа. Но ведь был безобидный джупоссум, кормящийся орехом, союзник дерева и джубезьян, защищенный от зубов хищников этим невольным сотрудничеством. «Почему люди не смогли вовремя понять уроков джугабра и джупоссума?» – было приписано рукой Старого и вечно одинокого на полях

дневника. И выбираясь из лабиринта этого сна, ты подумал привычной ассоциацией: «Быть может, и я сам, того не подозревая, выступаю для кого-нибудь опоссумом-ротозеем?»

Редактор все так же, словно персидский султан, величественно возлежал на своей софе. По бокам, блестя панцирями, каменели суровые телохранители. В затылке невыносимо ломило, там пульсировала, мутью растекалась по мозгу боль. Туман окутывал тебя наркотической серостью и бесформенностью ощущений. Тем не менее, сознание мало-помалу возвращалось к тебе, восприятие выплывало из сумерек, зоны света постепенно сливались в целостность. Заметив это, Редактор осклабился с весьма довольным видом. Он хлопнул ладонью по коже кресла. Верзила, что слева, шагнул вперед и протянул блестящий продолговатый предмет. «Пульт?» – предположил ты. Интуиция не подвела тебя. Хозяин нажал на кнопку, и в твоём мозжечке слабо завибрировало пятно тепла. Ощущение комфорта разливалось по мозгу, переходя на все тело. Тепло и свежесть оживили сонный мозг, затем волной распространились вниз, импульсами проникая в мускулы шеи, спины, рук, ягодиц, ног. Неожиданный прилив оптимизма и мускульной силы, накативший из глубины клеток, ошеломил тебя. Ты заерзал в ложе. Спустя несколько минут ты уже чувствовал себя таким накачанным атлетом, возлежащим в тренажере, и с недоумением рассматривал свое тело, скованное наручниками, браслетами, опутанное проводами и прозрачными трубками. Кто тебя заковал в эти сети? Не порвать ли паутину одним мощным рывком? Член Совета щелкнул переключателем, и под потолком вспыхнули лампы галогенного освещения, разливая приятную для глаза розовость. Тотчас телохранители отошли в стороны, замерев по сторонам дверной панели, играющей карминовыми огоньками индикаторов. Хозяин продолжал внимательно наблюдать за тобой пронзительными глазами степной гюрзы. Наконец он с весьма удовлетворенным видом кивнул тучной головой и произнес:

– Операция прошла успешно. Я поздравляю тебя.
 – Что за операция? – с подозрением спросил ты.
 – Мы открыли твой череп в районе затылка и удачно внедрили в мозжечок процессор.

– Имплантат? – растерянно пробормотал ты, не зная, что и думать.
 – Не больше горошины. Чудо электронной нанотехнологии. Суперкомпьютер размером с семечко. Над его разработкой билось не одно поколение наших кибернетиков. Я уже подумывал, не отправить ли тебя в саркофаг-холодильник, когда мне сообщили, что имплантат готов. И я пересмотрел свои планы насчет тебя.

– Что еще за планы? – недобро покосился ты на хозяина.

– Весьма интересные, представь себе, – толстяк резко встал и зашагал по проходу туда и сюда. – Мысль, что приходит опосля, всегда не зря. Все дело в технологии. В тебя как агента слишком много вложено: средств, времени, усилий, надежд. В конечном счете, кое-какую информацию ты нам дал. Хотя главное утаил. Ну, ладно, с этим мы разберемся. Наш Отдел решил еще раз попытаться использовать тебя как агента особой квалификации. И ты на нас поработаешь, нравится тебе это или нет. Дело в том, что микропроцессор в твоём мозгу совершенно неустрашим. Если кто-то решится сделать это – ты погибнешь. Даже мы не в состоянии повторить операцию. Она необратима, ибо чип создан из белковых структур, быстро срастающихся с клетками мозга реципиента. Так что

очень скоро имплантат перестанет быть инородным телом. Напротив, он станет частью твоего мозга, беря на себя столь важные функции, что без него организм уже не сможет существовать.

– Что за функции? – с угрозой спросил ты.

Толстяк забежал по комнате, всплескивая желтыми ладошками.

– Микропроцессор – своего рода контролер. Он будет передавать нам информацию о любых твоих перемещениях, более того, преобразовывая нервные импульсы в коды, показывать нам в визуальных образах все, что ты видишь, переживаешь, вплоть до снов. Мало того, он постарается поведать нам о твоих тонких эмоциях, проникнет в интимную сферу, будет отслеживать нюансы интуитивных и интеллектуальных процессов.

– То есть ты поместил в мой мозг стукача? – грубо, с вызовом спросил ты.

– Что? Что ты! Какой стукач? Зачем ты так! Это скорее кибернетический анализатор, генератор и стратег. Он призван восстановить твой мозговой центр, либо разрушенный АЗ, либо перепланированный в его пользу. Вредные импульсы он будет подавлять, нужные – поощрять, развивать. В этом смысле он своего рода сито и стимулятор. В конечном счете – мотиватор необходимых действий. О, это весьма сложное и великолепное устройство. Его память включает все информационные резервы всех существующих серверов земли. В него записаны все знания землян в информационных планах. Образно говоря, в лице имплантата вся цивилизация будет отслеживать твои действия и помогать тебе.

– Ого! – ты изобразил удивление. – И по какой причине мне такие почести?

Толстяк подошел поближе. Он уставился на тебя глазами маниакального игрока и горячо зашептал:

– Ты имеешь чрезвычайное значение для нас, то есть всего человечества. Информация с процессора будет поступать на мониторы нашего центрального компьютера ежеминутно. Мы будем смотреть твоими глазами, слышать твоими ушами, думать твоим мозгом, даже видеть твои сны. Благодаря имплантату мы станем как бы параллельными существами, воспринимающими все синхронно. Мы станем едиными настолько, насколько это возможно в природе.

Живительное тепло зыбью разливалось по телу, лаская кожу живота, рук, ног, проникая все глубже в кровеносную систему. Внезапно тебе все стало ясно.

– Вы сделали из меня киборга! – дрожащим голосом сказал ты.

Хозяин широко заулыбался, развел руками в радушном жесте.

– Да, в каком-то смысле. Но ты такой, представь себе, не один. В этой башне почти все люди – киборги, кроме роботов, разумеется. Некиборгам здесь жить невозможно.

– Почти все люди? – переспросил ты.

– Кроме нескольких из Совета десяти. Все остальные гуманоиды: инженеры, ученые, слуги, рабочие, солдаты – все в той или иной степени киборги, так как имеют имплантаты разной категории, то есть подключены к центральному компьютеру. Так мы эффективно контролируем социум боевой Башни. Это позволяет полностью исключить инакомыслие, ереси, революции, сектантство, уклонизм в самом зародыше. Мы создали идеальное общество. Мы следим за всеми, кроме роботов, ибо те действуют по жестко ограниченным программам. В этом плане мы представляем как бы единый организм, своего рода башенное коллективное существо.

– Термитник? – догадливо усмехнулся ты. – А королевская особь – это ты?

Толстяк гордо вскинул голову, никак не среагировав на реплику.

– Можешь представлять ситуацию и в такой метафоре, суть от этого не изменится. Мы идеально контролируем население всех наших трех башен, а это почти сто тысяч человек, армия роботов, боевой техники.

– Ого! – невольно воскликнул ты, пораженный.

– Еще бы! – порозовел от удовольствия член Совета. – Нам это стоило больших усилий. Но мы преуспели в строительстве нового общества, ибо многое предвидели. Кстати, самый совершенный компьютер в твоем мозгу. Помни об этом. Поэтому ты на порядок выше любого высокопоставленного чиновника из привилегированных кланов башни, любого посвященного инженера. Тебе будут доступны многие помещения здания, в твоём процессоре все необходимые коды электронных замков большинства дверей любого помещения – они откроются перед тобой по малейшему приказу. Откроются все, кроме одной двери.

– Какой? – невольно воскликнул ты.

– Зала, где находятся мониторы, настроенные на сигналы твоего имплантата. Ты не должен видеть структуру своего мозга и содержание картин. Эти сюжеты могут травмировать тебя.

– А если я все-таки попытаюсь? – ты вперился взглядом в толстяка.

– Бесплезно и очень опасно для тебя. Центральный компьютер запрограммирован на пресечение таких попыток. Ты будешь остановлен сильнейшим болевым импульсом. Если ты продолжишь усилия, чип может убить тебя, вызвав инсульт. Так что и не пытайся проникнуть в тайное тайн Сети. Тебе не удастся завладеть командным пунктом Башни. Кстати, запомни свое новое операционное имя. Оно теперь – Наставник.

– Наставник? – с удивлением спросил ты, приподнявшись на локтях.

– Да, Наставник. Это новая роль, отвечающая твоей миссии. Скоро ты все поймешь. Не спеши.

Редактор ловко щелкнул тумблером. Электрический мотор тихо зажужжал, накрывая кушетку, быстро поднимая изголовье. Перемещение по вертикали шло плавно и безболезненно. Через минуту ты стоял на ногах, все так же прикованный браслетами к поручням ложа, занявшего положение 90 градусов по отношению к полу. Ты так давно не стоял на своих ногах. Кровь отхлынула от мозга, в глазах потемнело, от приступа тошноты тебя едва не вырвало. Однако тотчас в затылке замерцало тепло, настраивая восприятие. Сетка координат зеленоватыми штрихами и точками вспыхнула перед взором, и ты тотчас почувствовал, как некая внутренняя сила центрирует позицию тела в соответствии с гравитационным полем Земли. Вскоре ты чувствовал себя вполне сносно.

Редактор ухмыльнулся и еще раз щелкнул переключателем. Мутная пелена искаженных образов побежала по стенам в противоположные стороны. Ее разгоняла прозрачность, которая становилась все шире и шире, заливая ярким светом помещение. Свет ворвался в твой мозг, ударил по рецепторам. Ты ахнул. Объемный громовой аккорд побежал по своду мира, рассыпаясь каскадами в нейронной среде. Эти электронные ощущения внутри мозга были до того дискомфортны, что тебя вновь замутило. Ты замотал головой, пытаясь справиться с приступом головокружения. И компьютер активно помогал тебе, настраивая тактильные ощущения, гравитационную и пространственную ориентацию, уровень сердцебиения и ритм

дыхания. Несомненно, он брал командные функции на себя, чутко и уверенно управляя нитями внутри организма. Тебе даже почудился бесплотный голос внутри мозга, который нашептывал: «Спокойно, дыши ровно и глубже. Привыкай».

И ты смотрел. Стеклянная стена отделяла тебя от сине-зеленой бездны. Казалось, ты висел на невысказанной, головокружительной высоте над бесконечным, курчавым океаном леса, простирающимся до самого горизонта. Тебя поразили острота, ясность и объемность твоего зрения. По сетке координат на экране побежала россыпь цифр, и ты понял, что находишься на километровой высоте на двадцатом блоке мегабашни. От воздушного простора тебя отделяла прозрачная керамитовая броня. Электронный голос шелестел, объясняя свойства керамики, но ты не слушал. Сине-зеленая пропасть манила и звала к себе, плывя необъятной рекой, бескрайним потоком туманов, облаков, сияющих воздушных объемов. Стая птиц мельтешила крыльями вдалеке, поднимаясь все выше и выше, растворяясь в лучах сильного солнца. А дальше на востоке величественно громоздились бело-розовые облака, застилая небосвод, синие дали и глубины, которые то и дело открывались в воздушных проемах. Небо, облака, солнце и грандиозная изумрудная чаша мира ошеломляли.

– Где я? – спросил ты слабым голосом.

– На 200-м этаже башни, – снисходительно посмотрел Редактор. Он стоял рядом, выпятив живот, заложив руки за спину, и заинтересованно разглядывал живописную панораму. – Неплохо, правда? Понимаю тебя. Сам никак не могу привыкнуть к этой картине, к ее реальности. Она слишком груба и сильно бьет по нервам. Джугара назойлива, она всегда перед глазами, куда ни посмотри. Она как бы напоминает нам языком образов, что победила человечество всего за несколько лет. Шутя, опрокинула устои цивилизации, которая развивалась десятки тысяч лет. Она ворвалась в наш мир жестоким захватчиком, заполонив своими тварями все континенты, все острова, даже пустыни. Мы проиграли битву, не понимая, с каким врагом столкнулись. Пока мы судили-рядили и спорили, политиковали, грибки, вирусы и споры убили большую часть человечества, остальное довершили джугарные монстры и джусойные деревья. Поэтому перед твоими глазами панорама полного торжества джугары и поражения вида хомо сапиенс. Что, не ожидал такое увидеть?

– Мда...

Ты знал эту историю не хуже других, но основательно подзабыл детали и фрагменты, пока находился в изоляции, то есть в условиях следствия. Стены почти по всей поверхности башни затемнены, а твой блок экранирован полностью, поэтому ты не мог видеть общей картины нашествия джугары. Однако память компьютера содержит хронологию всей войны, и ты на досуге сможешь все заново просмотреть.

– И ничего не осталось? – спросил ты, потрясенный.

– Чего?

– От городов, индустрии.

– Жалкие остатки, сброд дегенератов, запертый за стенами островов – это, так сказать, неизбежная пища для джугарных монстров. И несколько сотен таких башен, как эта, по всей Земле. В тех странах, где было развито строительство мегаконструкций. Здесь девять строенных башен. Шесть находятся на визуальном

плане за нашим зданием, и из этой комнаты не видны. Десятая – самая высокая – строение чужих. Это черный гигант. Его высота два километра.

– Два километра?! – невольно вырвалось у тебя.

– Да, все два, – усмехнулся Редактор. – Это говорит о неизвестной нам технологии. Мы прощупывали ее радарными, лучевыми сканерами, посылали на разведку агентов, роботов, и все безрезультатно. Стены черной башни совершенно непроницаемы и неприступны. Их не берет никакое оружие. Даже большой мощности

– Вы обстреливали башню чужих? – изумился ты.

– Было дело. Мы вышли из себя. Один из наших островов был атакован джугарой и погиб. Находился рядом с черной крепостью. И мы заподозрили чужих. Пальнули из всех пушек. И ничего, ни царапины на их броне. Как говорится, ни ответа, ни привета. И джугара их не берет, будь им неладно. Ну, это тема других бесед. Теперь о твоих делах. Мы решили дать тебе оперативный простор, так сказать, свободу действий. Ты должен начать подготовку к миссии.

– Какой?

– Миссии наставника, учителя.

Матовые, неуловимо мерцающие искорками панели поехали в противоположные стороны, открывая проход. Ты шагнул вперед в сумрак неизвестности и оказался по колено в густой траве у подножья мрачного зубчатого утеса, слабо освещенного по контуру звездным огнем галактики. Млечный Путь искрился в пучине кострами несметного воинства, остановившегося во время похода на ночлег. Ты узнал карту созвездий. Ничего не изменилось в очертаниях созвездий. Великая калачakra не сдвинулась даже на йоту, она даже не заметила, что ты отсутствовал тьму лет. «Она не заметит гибели даже всего человечества», – подумал ты и оглянулся на спутника. Легкий ветерок шевелил складки мантии на его тучном торсе.

– Это голограмма, – ответил он взглядом.

Слова прописались вмятым текстом прямо в мозгу, и ты понял, что это работа имплантата, шевельнувшегося вибрацией в затылке.

– Верно, – пришел ответ. – Такой же процессор находится и в моей голове. Мы можем обмениваться информацией непосредственно без слов и на любом расстоянии. Через свой ИК я могу контролировать деятельность твоего мозга практически в течение 24 часов в сутки. Ты же наблюдать мой ум не сможешь, так как программы наших ИК разной сложности, хотя настроены они синхронно.

– Мы теперь – двойники? – спросил ты, по привычке шевельнув губами.

– И да, и нет. Двойники в том смысле, что я могу воспринимать твое сознание, ты же этого делать не можешь. Поэтому фактически – ты мой киборг. Я же таковым для тебя не являюсь.

Ты задумался. Редактор шевельнул карманным пультом. Световые образы побежали во все стороны, сменяя изображение звездного неба, уничтожая космическое пространство. Открылась пустота огромного темного зала. Перспектива этого поистине безграничного помещения угадывалась по пульсирующим линиям текучих плоскостей и поверхностей, ритмически озарявшихся многоцветными всполохами. Внезапно желтым огнем полыхнул пол, став на минуту прозрачным, и ты увидел зал следующего нижнего этажа, такой же беспредельный, утопающий в сумерках искусственного освещения. Лишь бесшумные лифты сновали вверх и вниз по направляющим, выдавая масштабную и постоянную деятельность механизмов.

– Сто тысяч человек и армия роботов? – спросил ты с сомнением.

– Сто тысяч операторов, ученых, техников, инженеров, солдат и офицеров, столько же роботов, полуроботов, несметное количество механизмов, компьютеров, устройств, обеспечивающих жизнеспособность тройной башни. И это еще не все, – цветные строки побежали по экрану твоего визора. – Насыщенность здания кибернетическими устройствами такова, что вся структура предстает своего рода суперорганизмом, чувствительным, динамичным, способным тестировать себя по сегментам, а также воспринимать свое целое благодаря центральному компьютеру, в сущности, мозгу боевой башни. Более чем километровой высоты сооружение углублено в землю еще на двести метров. Подземные ярусы – это склады, мастерские, арсеналы, заводы, цехи, резервуары с горючим и генераторы энергии. Материал для керамики добывается полуроботами в слоях земли, где находятся залежи песка и кварца. Большинство тяжелых полуроботов сосредоточено на этих ярусах. На наше счастье, под бывшим мегаполисом на небольшой глубине оказались неисчерпаемые запасы кварцевого песка – основного сырья для производства строительного материала – керамики и кералакса.

Вы продолжали беззвучный диалог через сеть ИК.

– Источники энергии? – спросил ты, пораженный размахом технологической деятельности населения мегастроения.

Редактор покосился на тебя. Бегущая дорожка плавно несла вас к послушно замершему лифту.

– Каждый керамитовый блок внешней облицовки башни, а их миллионы, на самом деле является элементом огромной силиконовой электрической панели. Таким образом, поверхность здания собирает солнечную энергию, которая преобразуется в электричество. Загляни в школьный учебник по физике. Блоки многослойны, они пронизаны световодами, собранная энергия передается на преобразователи генераторов, укрытых в специальных помещениях подземных ярусов. Башня собирает энергию всей поверхностью, работая, как гигантская солнечная батарея. Данные по количеству получаемой электроэнергии, мощности генераторов, конденсаторов, ионных аккумуляторов – все это ты можешь узнать по каналам ИК. Я могу только сказать, что этой энергии хватает для обеспечения деятельности всех компьютерных систем и механизмов, в том числе средств обороны.

– И все-таки, – не унимался ты (в тебе заговорил заинтересованный военный специалист). – Вы должны были предусмотреть случаи длительной непогоды, ненастья, когда солнца на небе нет. Должны же были продумать резервные источники, ведь джугара может атаковать и днем и ночью, в любую погоду.

Член Совета с нескрываемым самодовольством взглянул на тебя.

– За кого ты нас принимаешь? У нас лучшие ученые и техники планеты. Все продумано и организовано, как надо. В основании башни находятся гидротермальные станции, добывающие энергию из горячей воды тектонических разломов. Но основная энергия поставляется нам... самой джугарой.

– Что? – воскликнул ты, забыв про связь по каналу ИК.

– Загляни в учебник по биохимии. Мы производим биотопливо в больших количествах из массы джугарных растений. Биомасса собирается специальными комбайнами прямо у наземного основания башни. Там мы культивируем особый сорт масляного сорго. Урожайность этого сорго просто потрясающая! Тысячи тонн биомассы поступает по трубам в цистерны, где под воздействием температуры и

дрожжей начинается бродительный процесс. В результате переделки продукта выделяются масла, спирт и метан. Дальше дело за дизельными электростанциями. Просто и эффективно. Так что пока джугара наступает, мы без энергии не останемся.

– Да, практически налажено безотходное производство, – подумав, заключил ты.

Редактор, улыбаясь, широко развел руками.

– Мы выжили, благодаря неустанной борьбе, накопленному опыту, интеллектуальным ресурсам, а самое главное – воле. У нас была и есть сильная воля к жизни! Будь с нами!

Двери лифта под мелодичный звон распахнулись.

– Наша боевая башня – налаженный, отлично действующий, совершенный механизм. Это безупречный кибернетический суперорганизм, действительно в чем-то напоминающий термитник. Его информационные сети функционируют на основе универсальных мгновенных ИК-программ. Поэтому у нас нет никакой оппозиции, исключена возможность бунтов, революций. Это дает возможность нам полностью сосредоточиться на проблемах внешней деятельности.

– Это как? – спросил ты рассеянно.

– Разведка, сбор глобальной и текущей информации, развитие отношений с другими башнями. Среди них есть дружественные нам, нейтральные и, к сожалению, активно враждебные организации.

– Что? Люди воюют друг с другом? – ты изумился.

Тем временем лифт тронулся с места. Скорее всего, он поехал вниз.

– Это продолжение старой истории. Дело в том, что некоторые башни объединились в так называемую демократическую цивилизацию. Скоро ты узнаешь, это тройные башни крайнего Запада, оранжевые. Три зеленые башни на севере – относительно независимые, это своего рода княжества, или эмираты. Они то и дело переходят то на нашу сторону, то в стан демократов. В зависимости, кто им больше заплатит. Суки!

Редактор грязно выругался, помрачнев. Видимо, мысль об эмиратах сильно досадила ему.

– А остальные?

– Нас, то есть три восточные бирюзовые башни, называют империей. Мы не против такой аллегии.

– Империя? – переспросил ты.

– Это они нас так называют, судя по внутренней социальной структуре. Ну, нам все равно, как нас кличут. Просто мы ведем войну с федеративной республикой оранжевых, интригуем с зелеными. Кроме того, империи приходится налаживать добрососедские отношения с некоторыми островами и совершать карательные операции против других.

– Это почему так?

– Дружественные островитяне, вернее, их охотники – лесные рейнджеры поставляют нам мясо джугарных животных. Недружественные островитяне отказываются платить налоги нам. Некоторые анклавы крайне враждебны по отношению к империи, они служат проклятым федератам. Поэтому мы, если это в наших интересах, иногда помогаем джугаре сокрушить опасный лагерь. Совсем недавно мы помогли Ей уничтожить один воинственный остров, кстати, расположенный у нас под боком.

– И как вы это сделали?

– Разрушили их оборонительные сооружения, то есть стены. Остальное довершили животные-хищники. Ну и споры, грибки, вирусы, разумеется.

– А вы не задумались над тем, что, уничтожая оплоты людей, вы приближаете окончательную победу джугары?

– О, нет! – Редактор покачал головой, таинственно улыбнулся. – У империи своя стратегия. Во-первых, люди никогда, ни при каких обстоятельствах не смогут объединиться. Воевать друг с другом – это самая большая и непреложная команда данная человеческому виду Историей. Во-вторых, мы намерены на обломках погибшей цивилизации создать новую, гораздо более жизнеспособную, основанную на принципах ИК, то есть кибернетического термитника. Наша ИК-империя – это три сверхразвитые боевые башни с населением в сто тысяч киборгов, армией роботов и полуроботов. Наши войска прекрасно вооружены, дисциплинированы, готовы в любой момент выступить против загнивающей федерации. В настоящий момент мы разрабатываем планы...

Лифт остановился, что-то пропев женским голосом. Панель отъехала, и ты увидел сотни бойцов в белых кимоно, с деревянными мечами, нунчаками и шестами в руках. Некоторые вояки сжимали увесистые упыри и цепники – оружие, знакомое тебе по Реестру Малыша-утенка. Бойцы, увидев члена Совета, дружно повернули головы направо и разом мощно выкрикнули: «Хэй!»

«Бэй!» – рявкнул Редактор, вскинув подбородок. И воины тотчас, разбежавшись попарно, с неистовыми криками принялись наносить партнерам мнимые удары. Заложив руки за спину, ты внимательно наблюдал за действиями юношей и девушек. Боевые стойки, приемы, уловки, блоки, прыжки, удары руками, ногами, корпусом – в твоей памяти начали всплывать картины подготовки агентов в специальном лагере. Вас готовили на основе особой системы рукопашного боя, где были собраны принципы и правила самбо, айкидо, джиу-джитсу, кун-фу, карате. Процессор в мозгу быстро диктовал русские, китайские и японские термины, в трехмерной проекции показывал замедленно некоторые поединки, комментируя сложные приемы.

Внезапно воины, как по команде, замерли, обозначили поклон друг другу, затем повернулись в твою сторону, наклонили головы и застыли в позе послушания и внимания. Ты растерянно оглянулся. Рядом с тобой никого не было. Кому они кланялись? Тебе? Но почему? «Не показывайте замешательства», – строго сказал голос по ИК. Ответьте на приветствие! Мурашки побежали по спине. И тогда изнутри пришла команда, мощная, звенящая, как стальная пружина. Этот импульс подтолкнул волю, и ты, не в силах сдержаться, завопил что есть мочи: «Бэй!» «Хэй!» – хором ответили солдаты, заняв боевую стойку.

Лифт поплыл вниз. Редактор с весьма довольным видом поглядывал на тебя.

– Это элитное подразделение, десантники. Наш спецназ. Он участвовал во всех решающих сражениях. Исключительно мобильная и натренированная часть императорской армии. Придет время, и ты – воин номер один – поведешь бойцов хэй-бэй в атаку против треклятых федератов.

– Что такое хэй-бэй? – вытянувшись во фронт, спросил ты.

– Как? Ты забыл лексикон Малыша-утенка? На странице 505 Реестра № 10 записано свекольными чернилами: «Хэй – это боевая готовность, Бэй – разящий удар».

ИК завибрировал, на экран обзора выпрыгнул поясняющий текст. Замелькали страницы реестра. Да, ничего себе! Оказывается, в памяти имплантата хранились

все Реестры Малыша-утенка, все его глоссарии, в том числе и дневники Старого и вечно одинокого. Вот это да!

– На досуге полистаешь нужный файл. Внимательно просмотри тексты, вспомни забытое, – наставительно сказал Редактор. – Кстати, постепенно ИК возьмет верх в твоём подсознании. С ним тебе будет легче жить. Он устранил ненужные комплексы, возьмет роль командного центра и потом решительно разберется с мутью, которую заложила в твой мозг женщина-волчица. Во время длительных допросов, тщательных исследований мы имели возможность убедиться в том, что ты вообще-то невероятное существо, джугарная химера. Во сне ты непрерывно превращался то в медведя, то в волка, то в филина... То есть оказался способным мигрировать в неизвестный план поля. Некоторые наши специалисты были в шоке от того, что ты демонстрировал. Они неоднократно предлагали, даже требовали уничтожить тебя. Однако я лично отстоял тебя. Я ходатайствовал перед Советом Десяти, то есть практически перед самим императором. Это было рискованно для меня самого. Помни об этом. Я доказал, что ты обладаешь способностями, которые можно эффективно использовать в интересах империи. Мне было нелегко, я мог потерять доверие Десяти, лишиться своей должности. В конечном счете, мне поверили. Так что я спас твою жизнь, и ты в большом долгу передо мной.

Редактор привычным движением полез в карман за сигаретой, но на полпути его рука замерла. Лоб моментально покрылся испариной.

– Черт побери, никак не могу привыкнуть.

– Что такое?

– Все нормально. Одно только печально – сигареты и коньяк в башне строго запрещены. Дисциплина, ничего не поделаешь. Хотелось бы расслабиться. Можно же иметь одну или другую привычку из доброго прошлого. Сколько лет... никак не могу забыть аромат сигарет. Часто снится – я затягиваюсь сигарой, глубоко, аж до самых трахей. Гаванским дымом, сортовым, отборным. Блаженство – неслезанное. Просыпаюсь, оказывается сон. Одно расстройство!

– Понимаю, – с сочувствием сказал ты, глядя на осунувшееся лицо члена Совета. Серая дряблая кожа, мешки под глазами. Не высыпается, видно, к тому же гипертоник или диабетик.

– Больных у нас нет, они все вымерли. Поэтому у нас нет социальной или гуманитарной медицины. Только травматология, генно-инженерная хирургия, – толстяк с досадой изучал твои глаза.

– Проклятый ИК, – чертыхнулся ты. – Все выдает, любую мысль.

– Мы едем к тебе домой. Ты должен как следует отдохнуть. Прийти в себя, обмозговать новую информацию. Собраться с мыслями. Завтра встретимся на церемонии СВС.

– Что?

– Смотр всех сил, – устало выдохнул Редактор, с раздражением глядя на тебя.

Продолжение следует.

